М792

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ,
ИСТОРИИ И ЭКОНОМИКИ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ
МОРДОВСКОЙ АССР

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ МОРДОВСКОЙ АССР

(ТРУДЫ, ВЫПУСК 55)

МОРДОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
САРАНСК 1975

М792

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ,
ИСТОРИИ И ЭКОНОМИКИ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ
МОРДОВСКОЙ АССР

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ МОРДОВСКОЙ АССР

57041

ТРУДЫ, ВЫПУСК 55

1977

МОРДОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
САРАНСК 1975

БИБЛИОТЕКА
Мордовского
научно-исследовательского института
языка, литературы, истории и экономики

М. В. Дорожкин

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ КОЛХОЗНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В МОРДОВИИ

Проблема социалистического переустройства деревни Мордовии имеет богатую историографию. Вышедшие из печати монографии и сборники[1] в основном правильно воссоздают историю колхозного строительства в республике.

Мы не ставим перед собой задачу подвергать анализу все работы, вышедшие из печати. В нашу задачу не входит также подробное исследование всех вопросов, связанных с коллективизацией сельского хозяйства МАССР. Однако на статье доцента Л. Г. Филатова «О некоторых особенностях коллективизации сельского хозяйства Мордовии»[2] остановимся несколько подробнее.

Постановка вопроса о выявлении специфики коллективизации сельского хозяйства в Мордовии правомерна, и правильное его решение было бы встречено читателями с большой благодарностью. Но статья Л. Г. Филатова, на наш взгляд, не восполняет многие проблемы в историографии, указанная в ней специфика никак не согласовывается с историческими фактами.

Некоторое отставание колхозного строительства в Мордовии Л. Г. Филатов пытается объяснить сравнительно поздним образованием национальной автономии. Он пишет: «Сравнительно позднее создание национальных органов государственной власти и местной партийной организации, совпадение стадии их организационного оформления с началом коллективизации вызвали немалые дополнительные трудности, определившие специфику коллективизации в Мордо-

вии».[3] Здесь целый ряд ошибочных положений. Во-первых, переход к новому административному делению—краевому, областному, окружному, районному вместо губернского, уездного и волостного осуществлялся тогда не только в Мордовии, но и в других районах Средней Волги. 16 июня 1928 года постановлением ВЦИК была образована Средне-Волжская область, куда вошли полностью бывшие губернии: Пензенская, Самарская, Симбирская и Оренбургская. Средне-Волжская область в свою очередь была разделена на девять округов, одним из которых был Мордовский округ. Следовательно, мордовская специфика здесь надумана, ибо в это время окружные и районные органы управления создавались не только в Мордовии, а и во всем Среднем Поволжье. Во-вторых, большевистские партийные организации во всех уездах, вошедших в состав Мордовской АССР, возникли не в момент массового колхозного движения, то есть в конце 20-х и в начале 30-х годов, а в 1918—1919 годах. В начале колхозного строительства происходило формирование районных и окружной парторганизаций вместо бывших волостных, уездных и губернских организаций. Эта работа проводилась не только в Мордовском, но и в других вновь созданных округах.

В январе 1930 года Мордовский административный округ был реорганизован в Мордовскую автономную область. Но создание Мордовской национальной автономии не вызвало почти никакой ломки административной сетки на этой территории, не изменило форму и содержание работы с крестьянами. Было бы также неверно думать, что процедура создания органов управления в автономной области была так сложна и продолжительна, что она лишила возможности всех партийно-советских работников серьезно заниматься организацией колхозов. Тем более, что районное деление в автономной области полностью сохранилось то, которое было создано в 1928—1929 годах при образовании округа, а избрание областных партийных и советских органов абсолютно не мешало работе среди крестьян. Поэтому совершенно очевидно, что выдвижение доцентом Л. Г. Филатовым в качестве одной из специфических причин отставания колхозного строительства в Мордовии «совпадение стадии организационного оформления национальных органов государственной власти и местной парторганизации с началом коллективизации» нельзя принимать всерьез.

Если допустить, что одной из «немалых трудностей» социалистического переустройства деревни в Мордовии являет-

ся «позднее создание национальных органов государственной власти и местной партийной организации», то почему в соседних автономных областях и республиках: в Чувашии, Мари, Удмуртии, Татарии, где все эти органы возникли еще в 1920 году, колхозное строительство шло медленнее, чем в Мордовии? На 1 ноября 1931 года было коллективизировано в Мордовской автономной области 69,1 проц. крестьянских хозяйств, в Чувашской—43,4 проц., Марийской—43,1 проц., Удмуртской—56,1 проц. и в Татарской АССР—63,2 проц.[4] Причем все эти территории постановлением Центрального Комитета партии от 5 января 1930 года по темпам коллективизации отнесены к одной группе районов.

Эти факты еще раз говорят о том, что указанная автором статьи специфика коллективизации Мордовии не имеет под собой реальной основы.

Следующей специфической особенностью колхозного движения в Мордовии, по утверждению Л. Г. Филатова, является особая острота классовой борьбы с кулачеством, пустившим здесь, по его словам, более сильные корни. Наличие «большой» кулацкой прослойки объясняет он тем, что в уездах, вошедших в состав Мордовской АССР, не было фронтов гражданской войны, поэтому трудящиеся «не прошли большую школу классовой борьбы», иначе говоря, не разбили кулаков в открытом бою.

Эти рассуждения также, мягко говоря, искусственно построены. Прежде всего в статье не доказано, действительно ли здесь была высокая кулацкая прослойка и наиболее острая классовая борьба. Приведенная им цифра 189 случаев всех форм кулацких выступлений против колхозов еще ни о чем не говорит. Что это: много или мало? Без сравнений с другими районами невозможно дать на этот вопрос утвердительный ответ. В статье же не делается даже попытка привести на этот счет необходимые данные. Если взять за веру цифру 6,5 проц. кулацких и зажиточных хозяйств, то надо разобраться, какую долю в этом числе занимают зажиточные хозяйства и что они представляют собой, каким путем пришел к ним достаток: в результате эксплуатации чужого труда или добыт трудом своей семьи, как правило, многочисленной. В Пензенской губернии, например, в 1925 году на одно зажиточное крестьянское хозяйство приходилось 8 душ обоего пола, на одно середняцкое хозяйство — 6 душ и на одно бедняцкое хозяйство — 4,5 души. Из общего числа зажиточных крестьянских хозяйств 48,3 проц. имели членов

семьи 7—10 человек, а 17,2 проц. хозяйств — 11 и более едоков. 44,8 проц. зажиточных хозяйств имели по одной лошади и по одной корове, 48,3 проц.—по две лошади и по две коровы.[5] Вот какими являлись зажиточные хозяйства. Не случайно поэтому решения многих местных Советов о раскулачивании или лишении избирательных прав таких крестьян отменялись вышестоящими инстанциями.[6]

В действительности же кулацких, эксплуататорских хозяйств здесь было не более 2 проц. Это подтверждается материалами ряда обследований.

В конце 1924 и начале 1925 годов специальная комиссия Пензенского губкома партии провела детальное обследование хозяйственного положения крестьян многих уездов Пензенской губернии. В результате этого обследования было выявлено, что в земледельческих районах губернии кулаки составляли 1,4 проц. общего количества крестьянских хозяйств. Эти же данные показывают, что в мордовской Атюрьевской волости кулачество составило 1,5 проц.[7] В среднем по губернии кулаки не превышали 2 проц. Имея в виду, что Мордовская АССР составилась на две третьих из уездов Пензенской губернии, мы можем определенно сказать, что указанная кулацкая прослойка соответствовала тогдашней Мордовии.

Правильность выводов комиссии Пензенского губкома партии косвенно подтверждается результатами более позднего обследования. В 1927 году была проведена динамическая сельскохозяйственная перепись в Среднем Поволжье. Из общего числа 1228 тыс. крестьянских хозяйств кулацких было 3,5 проц. Причем в правобережье кулацкие хозяйства составляли 1,9 проц., а в левобережье — 6,0 проц.[8]

Из этих данных видно, что в правобережье Средней Волги, а следовательно и в Мордовии, кулацкая прослойка была ниже, чем в левобережье, где проходили фронты гражданской войны и, по рассуждениям Л. Г. Филатова, крестьяне «прошли большую школу политической борьбы».

В левобережье Средней Волги, несмотря на более высокую кулацкую прослойку, к 1 августа 1931 года было коллективизировано 94,1 проц. всех крестьянских хозяйств, а в правобережье—65,2 проц.,[9] хотя кулацких хозяйств было в 3 раза меньше. Вот так искусственно сочиненные схемы расходятся с фактами!

Социалистическое переустройство сельского хозяйства в Мордовии проходило по тем же социально-экономическим

законам, как и во всем Средне-Волжском крае и большинстве районов РСФСР. Это, конечно, не означает, что в Мордовской АССР не было никаких особенностей в процессе колхозного строительства. Одна из особенностей состояла в том, что здесь темпы коллективизации, особенно мордовской части населения, отставали от Средне-Волжского края и в целом по РСФСР.

Коллективизация крестьянских хозяйств и посева на весну соответствующего года в процентах[10]

	Процент коллективизации крестьянских хозяйств							
	1927	1928	1929	1930	1931	1932	1934	1935
По РСФСР	0,7	1,6	3,7	20,3	50,9	60,3		
По Средне-Волжскому краю	0,4	2,3	3,9	20,5	64,6	78,5	72,5	77,3
По Мордовии	0,23	2,1	3,2	май 49,0 декабрь 10,1	весна 66,8 ноябрь 69,1	январь 71,0	64,3	68,9

	Процент охвата колхозами посевной площади								
	1927	1928	1929	1930	1931	1932	1933	1934	1935
По РСФСР	0,6	1,3	3,7	29,0	64,1	77,7	83,5		
По Средне-Волжскому краю	0,4	0,8	2,7	26,5	72,2	88,0	89,4	92,6	95,1
По Мордовии							82,1	св. нет	86,6

Сравнительно низкие темпы коллективизации Мордовии объясняются не надуманными трудностями, о которых пишет Л. Г. Филатов, а общим социально-культурным отставанием этого района страны, отсутствием на местах достаточных сил для проведения широкой партийно-политической работы в массах, и прежде всего среди мордвы. Например, в 1931 году в Мордовской автономной области на 1000 человек населения приходилось коммунистов 4,3 человека, а в целом по краю—10 человек, в том числе в правобережье—5,7, а в левобережье—11. Комсомольцев на 1000 человек приходилось в Мордовии 7,5, а в целом по краю 16 человек (в правобережье—9,7, в левобережье—18,1)[11].

Мордовия была самым отсталым районом края в про-

мышленном отношении. На 1000 человек населения рабочих цензовой промышленности в 1931 году приходилось в Мордовской области 2,1 человека, а в целом по краю—7,8 человека (в правобережье—6 человек, в левобережье—3,6 человека). В 1931 году предприятиями цензовой промышленности было произведено продукции на душу населения в Мордовской области на 8,04 руб., а в целом по краю—на 46,7 руб.[12]

Грамотность населения Мордовской области также была ниже, чем в других административных делениях Средне-Волжского края. По данным учета 1926—1927 годов, грамотность населения, которое позднее вошло в состав Бугурусланского округа, составляла 27,4 проц., Кузнецкого — 32,7 проц., Оренбургского — 41,5 проц., Пензенского — 33,1 проц., Самарского — 43,4 проц., Сызранского — 39,9 проц., Ульяновского — 39,0 проц. и Мордовской области — 27,3 проц. В целом по РСФСР грамотность населения была почти в два раза выше, чем на территории уездов, вошедших позднее в состав Мордовской автономии, и составляла она 44,1 проц.[13]

Только к январю 1934 года грамотность населения Мордовии поднялась до 90 проц., почти достигнув краевого и федеративного уровня.

Социально-экономическое и культурное отставание области предопределяло и медленное развитие колхозного строительства на его первом этапе. Не случайно поэтому решением крайкома ВКП(б) срок введения сплошной коллективизации Мордовской автономной области в отличие от других частей Средне-Волжского края был отодвинут на весну 1932 года. Впрочем, этот срок для завершения в основном коллективизации был установлен решением ЦК ВКП(б) от 2 августа 1931 года и для всех зерновых районов ЦЧО,[14] куда входила и Мордовия.

Отрицательную роль на ход коллективизации Мордовии сыграли и субъективные причины: массовые нарушения принципа добровольности и слабая политико-воспитательная работа среди населения. В постановлении Средне-Волжского крайкома ВКП(б) от 19 апреля 1930 года отмечается, что основными причинами «более значительного и резкого по сравнению с другими округами края появления середняцких недовольств и колебаний в Мордовской области являются:

а) более широкое применение мер административного принуждения и нажима при проведении массовой коллективизации...

б) большое количество перегибов и неправильностей, допущенных при проведении раскулачивания».[15]

В постановлении далее отмечается, что здесь раскулачивание проводилось не на базе коллективизации, а рассматривалось значительным большинством районного актива как средство для ускорения коллективизации. Поэтому раскулачиванию подвергалось большое количество средних хозяйств. Крайком, резко осудив такие антипартийные методы работы, отстранил от своих должностей многих партийно-советских работников и принял меры к укреплению мордовской парторганизации более квалифицированными кадрами.

Говоря об относительном отставании темпов коллективизации Мордовской области, нельзя, однако, согласиться с выводом Л. Г. Филатова о том, что «социалистическое преобразование сельского хозяйства Мордовии почти полностью завершилось только в конце второй пятилетки»[16], т. е. в 1937 году.

Этот вывод противоречит фактам и установкам Центрального Комитета партии в части того, что надо принимать за мерило завершения коллективизации. В постановлении ЦК ВКП (б) от 2 августа 1931 года указывается, что «мерилом завершения в основном коллективизации того или иного района или области является не обязательный охват всех 100 проц. бедняцко-середняцких хозяйств, а вовлечение в колхозы не менее 68—70 проц. крестьянских хозяйств с охватом не менее 75—80 проц. посевных площадей крестьянских хозяйств»[17].

Руководствуясь этим критерием и имея в виду, что на 1 ноября 1931 года, по данным государственной статистики, было коллективизировано 69,1 проц. крестьянских хозяйств, а на 1 декабря того же года, как показывается в рассматриваемой статье Л. Г. Филатова, процент коллективизации перевалил за 71, что в распоряжение колхозов перешло до 80 проц. посевной площади крестьянских хозяйств[18], мы можем с полным основанием утверждать, что в Мордовской автономной области была завершена в основном коллективизация в начале 1932 года, т. е. в срок, который был определен Центральным Комитетом партии. В годы второй пятилетки происходил процесс хозяйственного и организационного укрепления колхозов.

Правда, в ходе борьбы за организационно-хозяйственное укрепление колхозов уровень коллективизации в области колебался. Были моменты, когда он падал до 64—65 %.

Часть крестьян по разным причинам была исключена из колхозов, а некоторые, не сразу осознав всех выгод колхозного строя, сами временно выходили из артелей. Но это не меняло существа дела. Во-первых, отливы крестьян из колхозов были временными, и они касались не только Мордовии, но и других районов страны. Во-вторых, временные отливы части крестьян из колхозов не вызывали сокращения у социалистического сектора основных средств производства.

По мере хозяйственного и организационного укрепления колхозов, роста доходов колхозников трудящиеся крестьяне убеждались в необходимости связать свою судьбу с колхозом. Крестьянин И. М. Силькин из села Алова Атяшевского района в ноябре 1933 года написал в правление колхоза «Передовик» следующее заявление: «Вижу, что ваши дела в колхозе идут в гору, а у меня они не клеятся. Рвусь-мечусь— и все без толку. Никакого улучшения в хозяйстве. Остается нам всем единоличникам вступить в колхоз. Я это хорошо осознал и прошу принять меня в свои ряды»[19].

В этом заявлении И. М. Силькина как в капле воды отразилось настроение трудового крестьянства в 1933—1935 гг.

Создание колхозов, их хозяйственное и организационное укрепление в Мордовии проводилось при огромной помощи Советского государства. Уже за годы первой пятилетки на социалистическое переустройство сельского хозяйства было вложено свыше 40 млн. руб., в том числе около 7 млн. руб. выделено в виде долгосрочных государственных кредитов. Кроме денежных средств, было выделено более 300 тыс. пудов высококачественных семян ценных сельскохозяйственных культур[20]. В последующие годы по мере укрепления социалистической экономики страны государственная помощь крестьянству Мордовской АССР увеличилась.

В 30-е годы было положено начало глубокой технической революции в сельском хозяйстве. Старый примитивный сельхозинвентарь, применявшийся в мелкотоварном единоличном крестьянском хозяйстве, заменялся сложными машинами: тракторами, комбайнами, молотилками, сортировками и т. д. Эта новая техника сосредоточивалась в основном в машинно-тракторных станциях. МТС становились мощными рычагами технической реконструкции сельскохозяйственного производства. К концу второй пятилетки в Мордовской АССР имелось уже 46 МТС, машинный парк которых ежегодно пополнялся новыми тракторами, автомобилями, комбайнами и другой техникой. Только весной 1936 года республика полу-

чила 437 новых колесных и 67 гусеничных тракторов, 130 грузовых автомашин, 72 комбайна, 52 сложные молотилки и большое количество различного инвентаря[21]. Уровень механизации сельскохозяйственных работ и оснащенность техникой во вторую пятилетку видны из следующей таблицы[22].

	1934	1935	1936	1937
Количество МТС	27	28	36	46
Количество тракторов	884	1286	1766	2013
Количество комбайнов	19	61	88	312
Количество автомашин	77	79	212	309
Процент механизации сельскохозяйственных работ	16,2	26.0	33,0	40,0

Колхозы ясно понимали преимущество машинной обработки земли. Поэтому с каждым годом росло число хозяйств, которые прибегали к услугам МТС. Если в начале второй пятилетки машинно-тракторные станции обслуживали примерно 41—43 проц. колхозов и обрабатывали 67,2 проц. колхозных посевов, то к концу пятилетки они обслуживали уже 80 проц. колхозов и обрабатывали 98,3 проц. колхозных посевов[23].

Обобществление средств производства, механизация труда, применение химических и органических удобрений создали необходимые условия для рационального ведения земледелия на основе новейших достижений науки.

Сельское хозяйство МАССР становилось более интенсивным. Колхозы и совхозы начиная с 1934 года стали вводить многопольные севообороты, сначала четырехпольные, а затем семипольные и десятипольные. Отказывались от малоурожайных сортов сельскохозяйственных культур, доставшихся в наследство от индивидуальных крестьянских хозяйств. Значительная часть площадей уже в те годы засевалась сортовыми семенами, которые выращивались на месте и частично завозились из других районов страны. В республике были созданы шесть сортоиспытательных участков и в 1937 году была открыта государственная селекционная станция. Расширились посевные площади под ценные зерновые культуры. К концу второй пятилетки посевы пшеницы против 1913 года увеличились почти в 6,5 раза. Резко возрос посев технических культур. Вся посевная площадь Мордовии к 1940 году по сравнению с 1913 годом расширилась на 146 тыс. гектаров, или на 16 проц. Это является одним из много-

численных примеров, подтверждающих выгодность колхозного строя для крестьян. Единоличный способ ведения хозяйства с его примитивными орудиями труда делал крестьян беспомощными перед силами природы. В одиночку невозможно поднять пласты новых земель, которые годами оставались залежами, подвергаясь эрозии и зарастая кустарниками. Крестьяне же довольствовались клочками истощенных земель. Поднимать целинные земли и вводить их в севооборот могли только крупные социалистические хозяйства с их машинной техникой и коллективным трудом колхозников и рабочих совхозов.

Применение всего комплекса агромероприятий давало возможность получать более высокие урожаи, увеличивать доходы хозяйств, поднимать их товарность.

Колхозы и совхозы постепенно превращались в многоотраслевые предприятия. Рост производства зерна и кормов позволил быстрыми темпами развивать животноводство. Только в 1932—1937 годах колхозы республики вложили 7 млн. руб. на расширение поголовья общественного стада. За время с 1934 по 1941 год число товарных животноводческих ферм в колхозах увеличилось почти в 6 раз[24].

К началу Великой Отечественной войны колхозы и совхозы Мордовии успели укрепить свое общественное хозяйство, поднять доходность. В 1940 году денежная выручка колхозов составила 73 млн. руб. вместо 55,8 млн. руб. в 1937 году[25].

Победа колхозного строя, успехи по организационному и хозяйственному укреплению колхозов принесли радость и достаток в дом крестьянина. За период с 1936 по 1940 год денежная оплата труда колхозников выросла на 72 проц., а выдача зерна на трудодни увеличилась на 65 проц. Уже в 1938 году потребление сельхозпродуктов колхозниками Мордовии по сравнению с крестьянами дореволюционного периода в расчете на душу населения поднялось: хлеба и крупы на 25 проц., картофеля на 80 проц., овощей и фруктов на 47 проц., молока на 48 проц., мяса и сала на 79 проц., яиц — в 4 раза.

Это убедительное доказательство того, что общественное, коллективное сельское хозяйство есть самый верный и кратчайший для крестьянина путь выбраться из нужды, сбросить кулацкую кабалу и создать обеспеченную счастливую жизнь. На этом конкретном примере крестьянин наглядно убеждается в том, что «коммуния» лучше всего»[26].

Утверждение социалистической системы в сельском хозяйстве коренным образом изменило лицо деревни и прежде всего ее классовую структуру.

К сожалению, наша краеведческая литература, описывая более или менее полно ход социалистического переустройства деревни, слабо анализирует социальные последствия победы колхозного строя. В вышедших из печати работах четко не подчеркивается глубоко революционный характер колхозного движения, коренным образом изменившего способ производства, преобразующего экономические основы существования классов; не проводится мысль о том, что осуществление колхозного строительства является важнейшей и самой трудной социально-экономической задачей, которую партия решала после завоевания политической власти.

Победа колхозного строя коренным образом изменила не только социально-экономическое лицо мордовской деревни, но и общественно-политическое сознание сельского труженика.

Накануне колхозного движения на территории современной Мордовской АССР имелось более 200 тысяч индивидуальных крестьянских хозяйств с различным уровнем достатка: 1,5—2 проц. хозяйств были кулацкими и 45—48 проц.— бедняцко-батрацкими. Более 41 проц. крестьянских хозяйств не имели рабочего скота, около 26 — коров и примерно 34 проц.—сельхозинвентаря[27]. Крестьяне-бедняки и батраки грубо и жестоко эксплуатировались кулаками.

Совершенно иной стала классовая структура деревни середины 30-х годов. Перестало существовать кулачество. В ходе коллективизации оно было ликвидировано как класс. Вместо мелких индивидуальных хозяйчиков-крестьян: батраков, бедняков и середняков—появился новый тип крестьянина—рабочий совхоза и колхозник. Вместо кустаря-одиночки появился рабочий промысловой кооперации. В 1935 году, по данным учета Статуправления СССР, в Мордовии имелось более 11 тыс. рабочих совхозов, МТС и промышленных предприятий, принадлежавших колхозам и промысловой кооперации[28]. Основную массу сельского населения (65—70 проц.) составляли колхозники. Благополучие семьи рабочего совхоза и колхозника стало зависеть не от произвола сельского буржуа-эксплуататора, а лично от себя, от сознательного и прилежного отношения к общественному труду, от количества и качества произведенного продукта для общественного хозяйства.

Социалистический уклад в сельском хозяйстве разрушил прежние социальные и имущественные перегородки, разделявшие деревню на различные классовые группировки. Колхозное крестьянство стало однородным социалистическим классом и по своему общественному положению вплотную приблизилось к рабочему классу.

В. И. Ленин в статье «Великий почин» дал такое определение классам: «Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают»[29].

Если посмотреть на общественное положение колхозного крестьянства через призму ленинского определения классов, то мы увидим, что между ним и рабочим классом исчезли коренные различия.

Колхозники так же, как и рабочие, свой труд вкладывают в основном не в личное хозяйство, а в общественное, колхозное, которое по своей природе является социалистическим. Заняв место в системе общественного социалистического производства, колхозное крестьянство тем самым приобрело принципиально одинаковое положение с рабочим классом **по месту в исторически определенной системе общественного производства.**

Известно, что частная собственность на орудия и средства производства является основой для разделения общества на классы, основой для эксплуатации человека человеком. Уничтожение в нашей стране частной собственности на орудия и средства производства как в промышленности, так и в сельском хозяйстве не только устранило материальную основу для эксплуатации одного человека другим, но и коренным образом изменило общественное положение рабочих и крестьян. Оба основных класса нашего общества — и рабочие, и колхозники трудятся в общественном социалистическом производстве и пользуются орудиями и средствами производства, которые являются общегосударственной или колхозно-кооперативной собственностью. Иначе говоря, оба эти класса являются коллективными хозяевами средств производства. Поэтому принципиальное различие между рабочим классом и колхозным

крестьянством по их отношению к средствам производства исчезло.

Советский общественный строй сделал рабочих хозяевами фабрик и заводов, а крестьян — хозяевами колхозов. Этим самым как у рабочих, так и у крестьян-колхозников расширилась роль в общественном производстве. Кроме исполнения определенных рабочих операций, они теперь выполняют роль коллективных организаторов и руководителей производства, выделяя для этой цели своих представителей. Если крестьяне-единоличники извлекали доход от своего мелкого индивидуального хозяйства, то крестьяне-колхозники, как и рабочие, получают долю дохода от общественного хозяйства. Размер доли дохода от общественного богатства как рабочим, так и колхозникам определяется количеством и качеством вложенного труда. Следовательно, исчезло коренное различие между рабочим классом и колхозным крестьянством также **по их роли в общественной организации труда, по способам получения и размерам доли общественного богатства.**

Одним из важнейших результатов победы социализма в деревне является рост общественной активности колхозного крестьянства.

Крестьянин, который недавно был единоличником и интересы личного хозяйства его были превыше всего, под влиянием успехов социалистического строительства, благодаря огромной политической работе коммунистов быстро стал преображаться.

Это видно и в повышении трудовой активности в общественном производстве и в бережном отношении к коллективной собственности. Это видно также и в значительном расширении интереса к общественно-политической жизни. Во всех общественно-политических кампаниях, проводившихся Коммунистической партией, колхозное крестьянство Мордовии принимало самое активное участие.

Лучшая, наиболее сознательная часть колхозников, желая быть в передовых рядах строителей социализма, вступала в ряды Коммунистической партии. Если в мае 1930 года коммунистов-колхозников было 2171 человек, то к 1 января 1932 года их число выросло до 3526 человек, т. е. за полтора года в Коммунистическую партию было принято 1355 колхозников[30].

Колхозники охотно выдвигали в руководящие органы своих артелей коммунистов. В мае 1930 года, например, в

составе правлений колхозов было коммунистов 32,6 проц., комсомольцев — 4,9, рабочих-двадцатипятитысячников — 8,4 проц.[31]

Тот факт, что почти 46 проц. членов правлений колхозов были коммунистами или комсомольцами, объясняется, безусловно, ростом политического сознания колхозников, вручивших артельные дела в руки надежных людей.

Заметно поднялась общественно-политическая активность женщин-мордовок, бесправное и угнетенное положение которых в дореволюционное время было общеизвестным. В 1934 году только в 10 районах области 19 женщин работали председателями колхозов, 13—председателями сельских Советов, 44—бригадирами, 22—заведующими МТФ и СТФ, 2536 — старшими звеньевыми, 56 — трактористками, 9—председателями сельпо. Более 850 женщин были членами различных Советов депутатов трудящихся.

Говоря об исчезновении коренных различий между рабочим классом и колхозным крестьянством в сфере общественного производства, мы, однако, не можем ставить знак равенства между этими основными классами нашего общества.

Рабочий класс является руководящей силой Советского общества, носителем новых революционных традиций, возникших в ходе борьбы за диктатуру пролетариата, за построение социализма и коммунизма. Он связан с более передовым способом производства, со сложной машинной техникой, что выдвигает его на ведущую роль в формировании новых производственных отношений в нашей стране. Рабочий класс по сравнению с крестьянством имеет более высокую общеобразовательную подготовку, более широкие технические знания и более глубокое коммунистическое сознание. Рабочий класс проявляет свою производственную деятельность в системе общегосударственной собственности, а колхозное крестьянство в системе колхозно-кооперативной собственности.

Эти и ряд других некоренных различий между рабочим классом и крестьянством сохранятся еще долго, до полной победы коммунизма, до полного уничтожения классов. В. И. Ленин в этой же статье пишет, что «...для полного уничтожения классов надо не только свергнуть эксплуататоров, помещиков и капиталистов, не только отменить **их** собственность, надо отменить еще и **всякую** частную собственность на средства производства, надо уничтожить как различие между го-

родом и деревней, так и различие между людьми физического и людьми умственного труда. Это—дело очень долгое».[32]

---

1 **М. В. Агеев.** Победа колхозного строя в Мордовской АССР. Саранск, 1960; Победа колхозного строя в Мордовской АССР. Сб. документов и материалов. Саранск, 1970; **А. Е. Захаркина** и др. Мордовия в период социалистической индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства. — В кн.: Очерки истории Мордовской АССР, т. II. Саранск, 1961; **М. В. Агеев, Н. В. Рыскин.** Деревня на путях к коммунизму. В кн.: Под звездой Октября. Саранск, 1967; **А. И. Макаркин.** Социалистическое преобразование деревни. В кн.: По заветам Ленина. Саранск, 1970.

2 «История СССР», 1968, № 6, стр. 113

3 Там же, стр. 113.

4 Колхозное строительство в СССР, 1931, стр. 15.

5 **Н. Росницкий.** Лицо деревни. По материалам обследования 28 волостей и 32730 крестьянских хозяйств Пензенской губернии. М.—Л., 1926, стр. 23.

6 Постановление Средне-Волжского крайкома ВКП(б) от 19 апреля 1930 года «О результатах обследования состояния Мордовской области». «Бюллетень Средне-Волжского краевого комитета ВКП(б)», 1930, № 5 (29), стр. 13.

7 **Н. Росницкий.** Лицо деревни, стр. 19.

8 **Ф. А. Каревский.** Ликвидация кулачества как класса в Среднем Поволжье. — «Исторические записки», 1967, № 80, стр. 82—83.

9 **С. П. Трапезников.** Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. М., 1967, стр. 302—303.

10 Таблица составлена по данным, опубликованным в статистическом ежегоднике «Социалистическое строительство СССР». М., 1934, стр. 156; М., 1936, стр. 279; «Революция и национальность», 1932, № 4 (25), стр. 29; Победа колхозного строя в Мордовской АССР. (Сборник документов и материалов). Саранск, 1970, стр. 285.

11 Средняя Волга. Социально-экономический справочник. Москва — Самара, 1932, стр. 170—173.

12 Там же.

13 Средне-Волжский край. Экономический и социально-культурный обзор. Москва—Самара, 1930, стр. 460.

14 В. И. Ленин и КПСС о социалистическом преобразовании сельского хозяйства. М., 1971, стр. 484—486.

15 «Бюллетень Средне-Волжского краевого комитета ВКП(б)», 1930, № 5 (29), стр. 13.

16 «История СССР», 1968, № 6, стр. 126.

17 В. И. Ленин и КПСС о социалистическом преобразовании сельского хозяйства... стр. 484—486.

18 «История СССР», 1968, № 6, стр. 126.

19 Победа колхозного строя в Мордовской АССР. (Сборник документов и материалов). Саранск, 1970, стр. 402.

20 Под звездой Октября. Саранск, 1967, стр. 155.

21 «Красная Мордовия», № 1, 1937 г.

22 Юбилейная сессия Верховного Совета МАССР. Стенографический отчет. Саранск, 1940, стр. 26.

23 ЦГА МАССР, ф. р.-662, оп. 1, д. 539, л. 14.

БИБЛИОТЕКА Мордовского научно-исследовательского института

[24] Под звездой Октября. Саранск, 1967, стр. 156, 157.

[25] По заветам Ленина. Саранск, 1970, стр. 155.

[26] **В. И. Ленин.** Полн. собр. соч., т. 38, стр. 200.

[27] Очерки истории Мордовской АССР. Саранск, 1962, т. II, стр. 169—170.

[28] Труд в СССР. Статистический справочник. Под ред. Попова. М., 1936, стр. 35—36.

[29] **В. И. Ленин.** Полн. собр. соч., т. 39, стр. 15.

[30] Колхозы Средне-Волжского края. Выпуск III. Самара, 1930, стр. 41; Партархив Мордовского ОК КПСС, ф. 269, оп. 1, д. 13, лл. 113—116.

[31] Колхозы Средне-Волжского края... стр. 68.

[32] **В. И. Ленин.** Полн. собр. соч., т. 39, стр. 15.

К. М. Тимошкин

ВВЕДЕНИЕ ЗЕМСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ В МОРДОВИИ И СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ ГЛАСНЫХ

Объективные потребности капиталистического развития страны, необходимость приспособить к нему самодержавный строй вынудили царизм пойти на реформу местного управления. В. И. Ленин отмечал, что, наряду с другими буржуазными реформами, земская реформа была «шагом по пути превращения феодальной монархии в буржуазную монархию»[1]. Она была проведена в России в 1864 году. Но царизм добровольно не пошел бы на эту реформу. Его заставила это сделать мощная волна революционного движения. В. И. Ленин дал классическую оценку земской реформе как «одной из тех уступок, которые отбила у самодержавного правительства волна общественного возбуждения и революционного натиска»[2].

Одной из задач земской реформы было вознаграждение помещиков за потерю ими вотчинной власти над крестьянами, усилением их влияния в делах местного управления и хозяйства. В связи с этим избирательная система формально всесословного земства была построена с таким расчетом, чтобы дать в земских учреждениях полное преобладание представителям эксплуататорских классов, прежде всего помещикам-землевладельцам, а также крупной торгово-промышленной буржуазии.

По закону и указу от 1 января 1864 года земства вводились в 34 губерниях Европейской России, в том числе Пензенской, Тамбовской и Симбирской, из части уездов которых впоследствии образовалась Мордовия.

Земские учреждения создавались в двух местных адми-

нистративно-территориальных единицах: в уезде и в губернии. Компетенция земства была ограничена узким кругом чисто хозяйственных дел, из пределов которых оно не имело права выходить.

Для того чтобы определить характер его деятельности, выяснить, в чьих классовых интересах она проводилась, необходимо рассмотреть социальный состав земских учреждений[3].

Имеющийся статистический материал позволяет выяснить социальный состав земских собраний семи уездов Мордовии в первые годы введения Положения 1864 года и в 1883—1886 годы, накануне земской контрреформы 1890 года, а также проследить тенденции его изменения.

Социальный состав уездных собраний в целом по России рассматривался в работах Б. Б. Веселовского, Л. Г. Мамуловой, а по губерниям—Т. Н. Львовой, Н. Л. Хайкиной, М. И. Черныша, Л. М. Побережской и др.[4]

Б. Б. Веселовский впервые показал преобладание дворянства в земстве. Разбирая состав уездных собраний в целом по России и оперируя средними цифрами, он пришел к выводу, что в 60—80-е годы XIX века позиции дворянства остались непоколебленными. Сам по себе такой вывод правильный, однако он затушевывает те тенденции, которые наметились в составе земского представительства за двадцатипятилетнее существование. Рассматривая статистику социального состава гласных, Веселовский имел в виду исключительно сословную принадлежность их. Так, он пользовался категорией «Крестьянство», не выделяя собственников, баллотирующихся от съезда землевладельцев и членов сельских обществ, между которыми было мало общего.

Л. Г. Мамулова, исследовавшая поуездные данные по 24 губерниям России за 1865—1866 и 1883—1886 годы, причем не только по уездам в целом, но и по каждой из трех избирательных курий, анализировала социальный состав земства и его изменения в связи с конкретными особенностями социально-политического и хозяйственного развития определенных экономических районов России. Последнее обстоятельство позволило Л. Г. Мамуловой доказать, что за общими цифрами, на которые в своих выводах опирался Веселовский, скрывалась тенденция вытеснения дворянства в земствах промышленно-развитых губерний и увеличения его числа в других районах страны[5].

Т. Н. Львова, обстоятельно проанализировав социальный состав гласных уездных собраний и земских избирателей Московской губернии за 60—80-е годы XIX века, вскрыла, из каких данных складывалась общегубернская картина социального состава уездных земских собраний, а также показала, что рост буржуазного представительства в земствах Московской губернии шел почти исключительно за счет промышленно-развитых уездов, тогда как в остальных уездах дворянско-помещичьи группировки не только сохранили, но и упрочили свои позиции. Т. Н. Львова правильно произвела группировку гласных по классовому признаку.

«Положение о губернских и уездных земских учреждениях», утвержденное 1 января 1864 года, было опубликовано в «Пензенских губернских ведомостях» и в «Тамбовских губернских ведомостях» в марте этого же года. В Тамбове в это время проходили выборы дворянства. В уездных городах губернии в день окончания выборов в честь предводителей дворянства, как председателей предстоящих собраний земств, были проведены празднества[6].

Для проведения в действие «Положения о земских учреждениях» в каждой губернии были организованы временный губернский комитет и уездные комиссии. Так, в Пензенской губернии временный комитет был открыт 23 июня 1864 года под председательством губернатора В. П. Александровского. В состав комитета входили также члены особого о земских повинностях присутствия, прокурор Н. М. Акулов, по крестьянским делам присутствия коллежский асессор А. К. Гевлич, инженер штабс-капитан Бекетов и несколько местных дворян.[7]

Этот комитет руководил действиями уездных комиссий, разрешал возбуждаемые последними вопросы, а также заявления гласных лиц относительно неправильных действий комиссий.

В июне—июле 1864 года были организованы временные уездные комиссии. Председателями комиссий были местные предводители дворянства, а члены—один из мировых посредников, исправник, чиновник ведомства государственных имуществ и городской голова. Так, председателем временной Саранской уездной комиссии был уездный предводитель дворянства Д. Е. Чарыков, Инсарскую уездную комиссию возглавил Д. А. Литвинов, Краснослободскую — В. П. Лукин, Наровчатскую — А. Н. Арапов и другие.

Временные уездные комиссии составляли списки избира-

телей по первой и второй куриям, ведомости о числе сельских обществ. 23 октября 1864 года списки избирателей были утверждены губернским комитетом.

Очевидно, ввиду столь короткого времени и отсутствия точных сведений о размерах землепользования и стоимости недвижимых имуществ списки были неполными, содержали много ошибок. В результате чего списки избирателей по несколько раз печатались с дополнениями к ним.

Временный губернский комитет также назначил сроки избирательных съездов для выборов уполномоченных и гласных в уездные земские собрания. Для удобства сельские избирательные съезды были подразделены на несколько участков. Так, Саранский уезд был разбит на 4 участка, Краснослободский — на 3, Наровчатский — на 2.

О своей деятельности временные губернские комитеты информировали Министерство внутренних дел, а также сообщали им о содержании всех своих ответов на запросы уездных комиссий. На первых же заседаниях уездных комиссий было принято решение помещать в приложениях к губернской газете объявления и извещения комиссии о том, кто имеет право участвовать в выборах в данном уезде. Так, Саранская временная комиссия 1 июля 1864 года опубликовала обращение к избирателям с просьбой прислать сведения о своей собственности, звании и местожительстве.[8]

Временные губернские комитеты и временные уездные комиссии всю свою деятельность направляли на защиту интересов господствующего класса дворян-помещиков. Так, в марте 1865 года Симбирский временный губернский комитет постановил собрания съездов отложить до осени, после завершения полевых работ, ибо одновременное их проведение может распылить силы дворянства и затруднить контроль за ходом выборов со стороны администрации.[9]

В основе земской избирательной системы лежали буржуазный принцип имущественного ценза и деление избирателей на курии. Их было три: курия уездных землевладельцев, городская и выборных от сельских обществ.

В первой курии, то есть в съезде землевладельцев, участвовали лица, владевшие на правах собственности определенным количеством земли (не ниже 200 десятин),[10] владельцы других недвижимых имуществ в уезде стоимостью не менее 15000 рублей, владельцы промышленных или торговых предприятий с общим годовым оборотом производства в 6 тысяч рублей (так называемые шеститысячники), уполномо-

ченные от мелких землевладельцев (1/20 полного ценза) и духовенства.[11] Владения не менее двадцатой доли цензовой нормы давали право участвовать в предварительном съезде мелких землевладельцев, который выбирал представителей на общий съезд уездных землевладельцев.[12] Предварительный съезд избирал столько делегатов, сколько цензовых норм представляло в сумме количество земли у его участников. Также выбирались уполномоченные и на съездах священнослужителей.[13]

В составе первой курии преобладали дворяне-помещики. «Русские ведомости» по этому поводу писали: «Кому представлена самая обширная доля в земских собраниях? Дворянам-помещикам. По числу гласных дворянство одно перетягивает соединенные остальные сословия. Таким образом, само правительство указывает дворянству первенствующее место, решающий голос в земских делах. Доступ открыт, правда, всем крупным землевладельцам. Но кто же, не только по большей части, а почти исключительно, эти довольно крупные землевладельцы? Дворяне».[14]

Так, в четырех уездах Мордовии—Саранском, Инсарском, Краснослободском и Наровчатском—в избирательные списки первой курии в 1865—1868 годы было включено 1160 человек, из них 744 (64 проц.) дворяне и 78 (6,7 проц.) представители торгово-промышленной буржуазии[15].

В земледельческих уездах, где преобладало крупное дворянское землевладение, а промышленность была развита слабо, засилие дворян в первой курии было особенно велико. Так, в Наровчатском уезде дворян, имевших право непосредственного голоса, было 50 из 60 избирателей, в Инсарском уезде соответственно—84 из 90 избирателей.

Буржуазия в списках избирателей первой курии встречалась редко. Так, из семи уездов Мордовии в список избирателей с правом непосредственного голоса вошли 5 купцов из Саранского и 1 из Инсарского уезда. Это еще раз говорит о том, что промышленность Мордовии была развита слабо, торгово-промышленная буржуазия еще только зарождалась.

В состав первой курии также входили крестьяне-собственники, но их было мало. Например, в Краснослободском уезде государственный крестьянин деревни Аракчеево Д. М. Шехматов включен в списки избирателей как владелец 378 десятин земли, в Инсарском уезде в списки избирателей с правом непосредственного голоса включены шесть государствен-

ных крестьян, в числе их братья Мельзединовы, которые имели земельную собственность свыше 800 десятин.[16]

Согласно «Положению», по второй городской курии в голосовании участвовали купцы, мещане, торговцы и промышленники. Для включения в городские избирательные списки требовалось либо иметь купеческое свидетельство, либо владеть торгово-промышленным имуществом стоимостью от 500 до 3000 рублей в зависимости от количества городского населения. Право объединять свой имущественный ценз, как это имело место в землевладельческой курии, городским жителям представлено не было, в чем отчасти и сказалось стремление царской бюрократии отдать предпочтение дворянам в сравнении с буржуазией при выборах в земские учреждения. В результате этого мелкая, а отчасти и средняя городская буржуазия были лишены избирательных прав. Так, в 1865—1868 годы в городе Саранске из 13 тысяч жителей право голоса имели всего 73 человека, в городе Инсаре из 5 тысяч населения пользовались правом голоса 50 человек, в городе Краснослободске из 5 тысяч жителей соответственно—50 человек.[17]

А. И. Герцен и Н. П. Огарев на страницах газеты «Колокол» в 1866 году писали: «От участия в делах земства устранена... интеллигенция, люди, внушающие к себе доверие умом и честностью, хотя не имеющие поземельной собственности, но все-таки прямо или косвенно привлекаемые к несению разных земских и государственных налогов».[18]

Выборы по третьей, крестьянской, курии были двухступенчатыми: крестьяне на сходе граждан избирали выборщиков, а те в свою очередь выбирали гласных из наиболее благонадежных крестьян. Затем крестьянам было дано «право» выбирать гласных из избирателей первой курии. В специальных «Правилах» указывалось, что на сельских избирательных съездах должны зачитываться списки избирателей по куриям уездных землевладельцев, чтобы крестьяне не забыли о своем «праве» выбрать в гласные дворян-помещиков и духовенство.

Переходя к рассмотрению самих земских выборов, следует отметить, что царское правительство в целях защиты интересов помещиков заранее установило количество гласных, избирающихся от каждой курии, с таким расчетом, чтобы все избранные по второй и третьей куриям не превышали общего количества гласных, избранных по первой (см. таблицу 1).[19]

Расписание числа гласных 1864 года не пересматривалось до земской контрреформы 1890 года и не зависело от явки избирателей на выборы. Это обстоятельство привело к тому, что земские выборы в Мордовии неизменно проходили в обстановке невнимания и пренебрежения к ним со сто-

Таблица 1

Число гласных, избираемых в уездные земские собрания Мордовии

Уезды	Число гласных в уездных земских собраниях			
	от землевладельцев (I курия)	от городов (II курия)	от сельских обществ (III курия)	Итого
Ардатовский	26	3	23	52
Инсарский	27	5	22	54
Краснослободский	9	7	16	32
Наровчатский	9	2	11	22
Саранский	24	6	18	48
Спасский	9	3	12	24
Темниковский	23	8	15	46
Итого	127(45,7) проц.	34(12,2) проц.	117(42,1) проц.	278(100) проц.

роны большей части избирателей. Так, в 1865 году в Наровчатском уезде на первые выборы явилось из 222 избирателей всего 157 человек, а в 1868 году—65 проц. избирателей, в Краснослободском уезде из 314 избирателей участвовало на выборах 163 избирателя.[20]

Б. Б. Веселовский писал: «Крупные землевладельцы, из рядов которых издавна комплектовалась высшая бюрократия, в большинстве случаев стояли далеко от земских дел».[21]

Если в целом по Мордовии в земских избирательных кампаниях принимало участие около половины избирателей, то на съезде землевладельцев их собралось не более одной трети. Так, в 1868 году в Наровчатском уезде от 1 курии должны были участвовать на выборах 60 дворян, а участвовало всего лишь 19, или 31 проц., в Краснослободском уезде из 111 дворян приняло участие на выборах 25, или 22,5 проц.[22] Хотя процент явки на выборы был мал со стороны дворян, тем не менее они всегда добивались избрания в гласные своих людей.

В. И. Ленин, оценивая такое положение, писал, что не имея иногда абсолютного большинства, «самый сплоченный,

самый образованный и наиболее привыкший к политической власти класс»[23] помещиков-дворян проявил себя наиболее организованной частью избирателей: используя политическую незрелость купечества и крестьянства, их неумение вести избирательную борьбу, дворяне почти всегда добивались избрания в гласные по первой курии преимущественно своих представителей.

В связи с тем, что земские должности хорошо оплачивались, многие дворяне прибегали к подкупам, запугиванию и «делению» цензов. Московский земский деятель А. А. Киреев, говоря о земских выборах, писал: «Подкупы водкой были уже теперь... во многих местностях, вино играет громадную роль во всем».[24]

В 1868 году тамбовский губернский жандарм Комаров доносил, «...что перед каждыми выборами на сцену являются интриги, неизменные спутники всяких выборов, не только дворянских, но даже и крестьянских, а тем более земских, где с должностью соединяется содержание и другие удобства».[25]

По второй городской курии активность со стороны буржуазии и купечества была также низкая, причиной тому послужили высокий уровень имущественного ценза и политическая индифферентность буржуазии, недооценка роли земских учреждений. Кроме того, развитие капиталистических отношений и, следовательно, формирование торгово-промышленной буржуазии шло очень медленно, роль купечества возрастала несравнимо слабо. Так, в выборах 1868 года в Наровчатском уезде по II городской курии из 25 избирателей, в том числе 19 купцов и 6 дворян, приняло участие всего 10 человек, или 40 проц.; в Инсарском уезде с правом непосредственного голоса по городской курии было 52 избирателя, в том числе 44 купца, 6 дворян и 2 мещанина, а на выборы явилось всего 40 проц. избирателей.[26] Такое же положение было и в 1865 году. Так, губернский жандарм Комаров вскоре после выборов 1865 года сообщает в III отделение, что купеческое сословие не проявило к земским выборам никакого интереса.[27]

Не проявляло интереса к выборам и крестьянство, которое имело для себя мало пользы от земства и могло постоянно ждать от него лишь увеличения сборов и других податей.

В первую избирательную кампанию крестьяне вообще не имели никакого представления о земских учреждениях, и мало кто из них знал, для чего проводились выборы. В 1865 году из города Тамбова доносили начальнику III отделения:

«Крестьяне положительно пока еще не знают всей важности выборов и своего права. Мне (губернскому жандарму) довелось разговаривать с ними перед началом тамбовских уездных выборов и на мой вопрос «кого же они выберут?»— весьма простодушно ответили: «Тех, кто в обществе похуже и от рук отбиваются, пускай хоть какую-либо службу несут для общества, а делать будут то, что господа велят».[28] Несмотря на это, крестьянские выборщики, понуждаемые местной администрацией, обеспечивали хорошую явку на избирательные съезды, достигавшую до 80 проц. от общего числа их. Так, в Краснослободском уезде от III курии приняло участие в голосовании 518 выборщиков из 597, или 86 проц. Именно хорошая явка крестьянских выборщиков и поднимала общий процент участия избирателей в земских выборах до 55—56 проц.[29]

Каков же был социальный состав гласных, избранных в уездные земские собрания Мордовии в 1865 году?

Таблица 2

Социальный состав гласных уездных земских собраний Мордовии, избранных в результате первых выборов 1865 года

Уезды	Всего гласных	В том числе									
		дворяне и чиновники		купцы и прочие граждане		крестьяне-собственники		крестьяне-члены сельского общества		духовенство	
		абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Ардатовский	52	22	42,3	2	3,9	2	3,8	21	40,4	5	9,6
Инсарский	49	19	38,7	3	6,1	2	4,2	20	40,8	5	10,2
Краснослободский	32	9	28,1	5	15,6	—	—	14	43,7	4	12,6
Наровчатский	22	9	40,9	2	9,1	—	—	9	40,9	2	9,1
Саранский	47	20	42,5	7	14,9	—	—	18	38,3	2	4,3
Спасский	24	8	33,3	3	12,5	—	—	10	41,7	3	12,5
Темниковский	46	23	50,0	8	17,4	—	—	15	32,6	—	—
Итого	272	110	40,4	30	11,4	4	1,4	107	39,3	21	7,5

Данные таблицы 2 показывают, что результаты выборов в уездные земские собрания Мордовии не оправдали надежды правительства и местной администрации, рассчитывавших, что по сравнению с буржуазией дворянство повсеместно будет далеко впереди по числу гласных. Фактически уже на

первых земских выборах 1865 года городская и торгово-промышленная буржуазия занимала свыше 17 проц. мест в составе гласных уездных собраний. Так, в Темниковском уезде дворяне занимали 50 проц. мест, а городская буржуазия 17,4 проц. от общего числа гласных, в Краснослободском уезде соответственно 28,1 и 15,6, в Саранском — 42,5 и 14,9%.

В то же время были уезды, где дворян в земстве было больше, чем представителей торгово-промышленной буржуазии. Так, в Ардатовском уезде на 22 дворянина гласных приходилось 2 купца, в Инсарском их было соответственно 19 и 3, в Наровчатском — 9 и 2. В целом по семи уездам Мордовии на 272 всех гласных приходилось только 30 гласных представителей от буржуазии, или 11,4 проц. Для дворянства наиболее благоприятными были результаты выборов в первой землевладельческой курии, где в отдельных уездах избранных гласных дворян было от 88, 8 до 100 проц. (смотрите таблицу 3).[30]

Из таблицы 3 видно, что в первой землевладельческой курии в Саранском уезде дворяне-гласные составили 87%, Спасском — 88,8 проц., Темниковском — 91,3 проц. и Наровчатском уезде — 100 проц. Лишь только в трех уездах: Ардатовском, Краснослободском и Инсарском—составили менее 80 процентов.

В целом же общий процент гласных-дворян от первой курии по Мордовии составил 82,7 проц. Тем самым мы видим, что подавляющее большинство гласных-дворян было избрано по первой курии, но 10 дворян избрано гласными по второй — городской (7) и по третьей — крестьянской (3) куриям. В числе этих десяти дворян-гласных три являются мировыми посредниками, в том числе 1—в Ардатовском и 2—в Инсарском уездах[31]. Крестьяне часто выбирали их в земство, так как они постоянно находились в их зависимости.

В выборах 1865 года по первой курии проходили 4 крестьянина-собственника. Раз они проходили по первой курии землевладельцев, очевидно, имели земельной собственности не менее 200 десятин, являлись представителями и защитниками интересов не всего крестьянства, а его зажиточной верхушки, кулаков-мироедов. Кроме того, некоторые крестьяне-собственники, являвшиеся избирателями первой курии, были фактически промышленниками, имевшими в своем владении на несколько десятков тысяч имущества. Так, из Саранского уезда бывший государственный крестьянин Д. С. Начаркин имел 404 десятины земли, мастер-

ские по изготовлению лопат, колес, кадушек, а впоследствии превратился в крупного владельца винокуренного завода[32]. Формально к крестьянскому сословию относились братья Мельзедины из Инсарского уезда, имевшие 883 десятины земли, Елена и Мария Андреевы из Наровчатского уезда[33] — 224 десятины, Д. М. Шехмаметов из Краснослободского уезда, имевший 378 десятин земли.[34]

Кроме крестьян-собственников в состав уездных земских гласных были избраны и мещане: Алексей Шкаев и Иван Назаров из Саранского уезда, Андрей Сачков из Инсарского уезда, Василий Котов из Краснослободского уезда. Этих гласных-мещан следует относить к наиболее зажиточной части своего сословия и, определяя их классовую принадлежность, считать как представителей средних слоев городской буржуазии.

Рассмотрим данные по городской курии.

Из таблицы 2 видно, что в состав уездных гласных от торгово-промышленной буржуазии вошло 30 человек, или 11,4 проц. от общего числа гласных, а вместе с крестьянами-собственниками — 34 человека, или 12,8 проц. В тех уездах, где промышленность была более или менее развита, число гласных в уездные земские собрания от буржуазии было избрано больше. Так, в Краснослободском уезде избрано 5 (15,6 проц.) представителей купечества, в Темниковском — 8 (17,4 проц.), в Саранском—7 (14,9 проц.). В основном в состав уездных земских гласных от торгово-промышленной буржуазии входили купцы. Например, из Саранского уезда были Шуйские, Бронницкие, Кононов и Ненюков — все являются купцами первой гильдии и владельцами крупной земельной собственности.

Состав гласных от курии сельских обществ также разнообразен. Всего в ней избрано 117 уездных земских гласных. Из них крестьяне составляют 107 человек, или 91,6 проц. Как уже отмечалось, двухступенчатость выборов по третьей курии обеспечивала попадание в число гласных наиболее благонадежных, с точки зрения царского правительства, крестьян. И действительно, среди них мы видим восемнадцать волостных старшин и сельских старост, то есть почти каждый пятый гласный-крестьянин был должностным лицом крестьянского управления, фактически представителем местной администрации.[35] К тому же среди гласных уездных земских собраний, особенно в уездах, где промышленность более развита, мы встречаем крестьян, на деле став-

Социальный состав гласных уездных земств

(количество и процент к общему

Уезды	Курия землевладельцев									всего по курии
	всего по курии	в том числе								
		дворяне и чиновники		городская торгово-промыш. буржуаз.		крестьяне-собственники		духовенство		
		абс	%	абс	%	абс	%	абс	%	
Ардатовский	26	20	77,0	—	—	2	7,7	4	15,3	3
Инсарский	22	15	68 2	—	—	2	9,1	5	22,7	5
Краснослобод.	9	7	77,7	—	—	—	—	2	22,3	7
Наровчатский	9	9	100,0	—	—	—	—	—	—	2
Саранский	23	20	87,0	1	4,3	—	—	2	8,7	6
Спасский	9	8	88,8	—	—	—	—	1	11,2	3
Темниковский	23	21	91,3	2	8,7	—	—		—	8
Итого	121	100	82,7	3	2,5	4	3,3	14	11,5	34

щих или купцами, или фабрикантами. Так, из Инсарского уезда государственные крестьяне братья Мельзедины в первых избирательных списках числились как крупные землевладельцы (883 десятины), а в дальнейшем выступают как купцы-владельцы винокуренных заводов с годовым оборотом более 200 тысяч рублей; из Саранского уезда бывший государственный крестьянин И. Г. Цинговатов впоследствии стал купцом 2-й гильдии. В городе Саранске имел кожевенный завод с 18 рабочими и годовым оборотом в 16900 рублей. В 60—70-е годы он неоднократно избирался в гласные[36].

В некоторых уездах по третьей курии были избраны и дворяне, главным образом мировые посредники. Хотя последние, по образному выражению В. И. Ленина, «мирволили помещикам»,[37] крестьяне, находившиеся от них в большой зависимости, часто выбирали их в земство.

Царское правительство и дворянство опасались демократизма крестьянской курии. А. А. Киреев писал, что «...присутствие крестьян не только бесполезно для собрания, но даже вредно».[38] Поэтому не случайно были моменты, когда гласных-крестьян стремились изгнать из числа уездных гласных как людей неблагонадежных. Так, в Спасском уезде крестьянин М. В. Воронов был избран в земские гласные от

Мордовии, избранных в 1965 году по куриям Таблица 3

числу гласных по куриям)

Городская курия				всего по курии	Курия сельских обществ					
в том числе					в том числе					
дворяне и чиновники		городская торгово-промыш. буржуаз.			дворяне		крестьяне-члены обществ.		духовенство	
абс	%	абс	%		абс	%	абс	%	абс	%
1	33,3	2	66,7	23	1	4,3	21	91,4	1	4,3
2	40,0	3	60,0	22	2	9,1	20	90,9	—	—
2	28,6	5	71,4	16	—	—	14	87,5	2	12,5
—	—	2	100,0	11	—	—	9	81,8	2	18,2
—	—	6	100,0	18	—	—	18	100,0	—	—
—	—	3	100,0	12	—	—	10	83,3	2	16,7
2	25,0	6	75,0	15	—	—	15	100,0	—	—
7	20,6	27	79,4	117	3	2,5	107	91,6	7	5,9

сельского общества, а 7 августа 1868 года по определению спасского мирового съезда он был предан уголовному суду за сокрытие преступления им в бытность его заседателем[39]. Кроме того, многочисленные предложения о безвозмездности земской службы также преследовали цель максимально ограничить крестьянское представительство в органах местного самоуправления.

В 1865 году на страницах газеты «Колокол» А. И. Герцен и Н. П. Огарев по поводу усилий помещиков устранить крестьян из земства писали, что дворянство «оттирает всеми средствами русского крестьянина от дел самоуправления, даже в той скудной мере, в которой уступает ему правительство!»[40].

В состав уездных земских гласных в 1865 году были избраны также представители духовенства. А. А. Киреев по этому поводу писал, что «митрополит Филарет настаивал на том, чтобы духовенство принимало деятельное участие в выборах».[41] Епархиальное начальство обязывало всех священников присутствовать на избирательных съездах и добиваться своего избрания в гласные для усиления «благонадежного» элемента в земстве. Фактически духовенство было самой непостоянной категорией гласных. Достаточно сказать, что в 70-е — начале 80-х годов под обоюдным напором дворян и буржуазии она сошла на нет, но в период реакции

80—90-х годов вновь активизировалась и представляла собой в земстве сугубо консервативную силу. При анализе итогов первых земских выборов мы замечаем, что духовенство выбиралось как по первой, так и по третьей избирательным куриям. Вторая городская курия была в основном купеческая. По первой курии из состава духовенства было избрано 14 священников, или 11,5 проц. от общего числа гласных от первой избирательной курии и 7 (5,9 проц.) от третьей сельской курии. В итоге на первых земских выборах был избран 21 человек, или 7,5 проц. духовенства от общего числа уездных гласных Мордовии.

В заключение обзора результатов первых земских выборов нам необходимо выяснить реальную расстановку классовых сил в земстве. Всего уездных гласных в 1865 году было избрано 272 человека. Из них 110 человек, или 40,4 проц., были дворяне, 111 человек, или 40,7 проц.,—крестьяне, 30 человек (11,4 проц.)—городская и торгово-промышленная буржуазия и 21 человек (7,5 проц.)—духовенство. Отсюда мы видим, что дворяне и крестьяне были представлены в уездных земских собраниях одинаковым числом гласных (110 и 111). Но за этой внешней видимостью скрывается другое, а именно: колоссальное неравенство в представительстве этих двух классов в земстве. Например, в Краснослободском уезде 258 дворян избрали 9 гласных, а 54235 крестьян[42]—только 14 гласных, то есть 29 дворян и 3879 крестьян избрали по одному гласному. Такое же положение и в других уездах Мордовии. Так, в Саранском уезде один гласный проходит от 3567 крестьян, 12 дворян и 14 представителей буржуазии, в Инсарском уезде от 1860 крестьян, 13 дворян и 17 представителей буржуазии. Эти факты воочию подтверждают ленинскую мысль о вопиющей несправедливости земского представительства[43].

Таким образом, руководящая роль в уездных земских учреждениях Мордовии находилась в руках дворянства, особенно это относится к первым годам деятельности земства. Это объясняется тем, что дворяне, привыкшие к власти, более организованно заняли в земстве ключевые позиции и вели себя в необходимых случаях активно, сплоченно. Дворяне, находясь у руля земского управления, ревностно отстаивали права и привилегии своего сословия, мало заботясь о нуждах народа, о медицине и народном образовании. Крестьяне, не замечая положительного в деятельности земства в крестьянской жизни, считали земство лишней обузой,

еще одним органом власти, требовавшим от них дополнительных налогов. Это и явилось одной из причин пассивности крестьян-гласных в земских собраниях. «Тяготятся гласные своим званием, в особенности из крестьян», — сообщает тамбовский жандарм Комаров в III отделение, и здесь же он дополняет, что 22 сентября 1867 года один из гласных крестьян явился на собрание в пьяном виде. Председатель попросил его выйти из собрания, причем заметил ему, что при повторении подобного случая он совершенно лишится права быть гласным. На это замечание послышались возражения следующего рода, что «пожалуй, большая часть перепьется нарочно, чтобы быть выключенными из числа гласных»[44].

Представители буржуазии, вошедшие в состав уездных гласных, также пассивно относились к земству. Это объясняется политической незрелостью их и отсутствием какого-либо опыта общественной деятельности. Даже были случаи, когда купцы и некоторые промышленные предприниматели просили временные уездные комиссии не включать их в списки для голосования. А чтобы не принимать участия в выборах и не быть избранными в состав гласных, в день выборов они уезжали в другие города, где их хорошо никто не знал.

Таким образом, общественная инертность крестьянства, утвердившаяся в результате вековой феодально-крепостнической эксплуатации, и определенная индифферентность представителей торговой и промышленной буржуазии, особенно в первое время земской деятельности, позволяет яснее представить условия, в которых осуществлялась руководящая роль дворян-помещиков в уездных земских учреждениях. Это и дало право А. А. Кирееву сразу после первых земских выборов заявить: «Мы, дворяне, могли бы очень легко стать во главе всего дела».[45]

В 70—80-е годы XIX века в промышленности и в сельском хозяйстве страны произошло ряд существенных изменений. С появлением новых фабрик и заводов увеличилось количество фабрикантов и заводчиков. С развитием торговли и промышленности в Мордовии росло представительство буржуазии в уездах. Широкое проникновение капитализма в деревню повлекло за собой глубокое расслоение крестьянства. На одном полюсе в деревне образовался большой слой крестьянской бедноты, на другом—кулачество совместно с обуржуазившимися помещиками, которые становились господами положения в деревне.

Какие же изменения произошли в социальном составе

уездных земских собраний в Мордовии в дальнейшем, с 1865 по 1883 год?

Прежде всего надо отметить, что в изменении состава гласных в значительной мере нашли свое отражение особенности социально-экономического развития отдельных уездов. В экономически развитых уездах в общественной жизни усилилась роль торгово-промышленной буржуазии, росло число гласных-купцов и фабрикантов, наоборот, там, где были особенно сильны остатки крепостничества, росло число гласных-дворян.

В 1883 году было проведено официальное статистическое обобщение итогов земских выборов по 34 губерниям. Подробный анализ этих данных по семи уездам Мордовии дает нам возможность выявить настоящее положение дела, сопоставляя итоговые данные по выборам в 1865 году с данными 1883 года. В результате чего мы узнаем, как в земство все увереннее пробивала себе дорогу буржуазия и как трусливо сдавало свои позиции дворянство.

Таблица 4

Социальный состав гласных уездных земств Мордовии, избранных в 1883 году (количество и процент к общему числу гласных по уездам)[46]

Уезды	Всего гласных	В том числе									
		дворяне и чиновники		торгово-промыш. буржуазия и прочие сословия		крестьяне-собствен.		крестьяне, члены сельских обществ		духовенство	
		абс	%	абс	%	абс	%	абс	%	абс	%
Ардатовский	49	23	47,0	3	6,1	—	—	22	49,9	1	2,0
Инсарский	49	12	24,4	13	26,5	1	2,1	21	42,8	2	4,2
Краснослободский	32	4	12,5	9	28,1	—	—	16	50,0	3	9,4
Наровчатский	22	8	36,4	3	13,6	—	—	11	50,0	—	—
Саранский	46	15	32,6	11	23,9	1	2,1	16	34,7	3	6,6
Спасский	24	7	29,2	4	16,6	—	—	12	50,0	1	4,2
Темниковский	45	23	51,2	11	24,4	—	—	11	24,4	—	—
Итого	**267**	**92**	**34,5**	**54**	**20,2**	**2**	**0,8**	**109**	**40,8**	**10**	**3,7**

Из таблицы 4 видно, что в социальном составе уездных земских гласных в Мордовии к 1883 году по сравнению с 1865 годом имеются существенные изменения: сокращение дворян-гласных и увеличение числа гласных от торгово-про-

мышленной буржуазии. Так, в 1865 году дворян-гласных в целом по Мордовии было 110 человек, или 40,4 проц., а в 1883 году стало 92 человека, или 34,5 проц., сократилось на 18 человек. Вытеснение дворян в 1883 году заметно во всех уездах и по всем куриям. Так, в Инсарском уезде в 1883 году избрали дворян-гласных 12 человек, а в 1865 году их было 19, в Краснослободском — стало 5 человек, а было 9, в Саранском — соответственно 15 и 20 и т. д.

К 1883—1886 годам число гласных купцов и фабрикантов увеличилось по сравнению с 1865 годом на 24 человека. Если в 1865 году уездных гласных от буржуазии было 30 человек (11,4 проц.), то в 1883 году стало 54 человека (20,2 проц.). Из семи уездов Мордовии в 1865—1866 годы в 5 уездах — Ардатовском, Инсарском, Краснослободском, Наровчатском и Спасском—вовсе не было гласных от торгово-промышленной буржуазии, тогда как в 1883 году таких уездов вообще не стало (см. таблицу 5). Особенно высокий процент гласных купцов и фабрикантов дали уезды Саранский, Инсарский, Краснослободский, Темниковский. Так, в Инсарском уезде в 1865 году гласных от торгово-промышленной буржуазии было всего три человека, а в 1883 году стало тринадцать человек, в Краснослободском уезде соответственно 5 и 9, в Саранском — 7 и 11 и в Темниковском уезде было 8 гласных купцов, стало 11. Характерно отметить то, что в 1865 году в Наровчатском уезде число гласных от дворян составляло 100 проц., тогда как в 1883 году дворян-гласных осталось 77,7 проц., а 22,3 проц. составили буржуазия и духовенство.

Рассматривая позиции духовенства на земских выборах 1883 года, мы видим, что гласных от них было избрано значительно меньше, чем в 1865 году. Если в 1865 году от них был 21, то в 1883 году стало 10 человек. Самый низкий процент дали Ардатовский, Инсарский, Спасский уезды. Так, в Ардатовском уезде в 1865 году было избрано от духовенства 5 человек (9,6 проц.), а в 1883 году — всего 1 человек (2 проц.), в Инсарском уезде соответственно—5 (10,2 проц.) и 2 (4,2 проц.), в Темниковском не избирались гласные ни в 1865 и ни в 1883 году.

Таким образом, к 1883—1886 годам заметно проявилась тенденция вытеснения духовенства из земских собраний дворянством и буржуазией, особенно дворянством. Они, потерпев поражение в избирательных съездах по первой ку-

Социальный состав гласных уездных земств

(количество и процент к общему числу

	Курия землевладельцев								
	Всего по курии	в том числе							
		дворяне и чиновники		купцы, мещане и прочие сословия		крестьяне-собственники		духовенство	
		абс	%	абс	%	абс	%	абс	%
Ардатовский	23	21	91,3	1	4,4	—	—	1	4,3
Инсарский	22	10	45,4	10	45,6	1	4,5	1	4,5
Краснослобод.	9	4	44,4	2	22,2	—	—	3	33,3
Наровчатский	9	7	77,7	1	11,2	—	—	1	11,1
Саранский	22	13	59,0	5	22,7	1	4,7	3	13,6
Спасский	9	7	77,7	1	11,2	—	—	1	11,1
Темниковский	23	19	82,6	4	17,4	—	—	—	—
Итого	117	81	69,2	24	20,5	2	1,7	10	8,6

рии, старались пополнить свои места в земских собраниях за счет третьей курии, крестьянства и духовенства. Так, в 1865 году дворян-гласных по третьей курии было избрано всего три человека (2,5 проц.), из духовенства 7 (5,9 проц.), а в 1883 году дворян-гласных избрали 7 человек (6 проц.), представителей духовенства всего 1 (0,9 проц.).

Результаты выборов по 1 курии 1883 года объяснялись во многом социальным составом самих избирателей и изменениями в их среде (см. таблицу 6).

Анализ списков избирателей по первой курии и сведения об их участии в избирательных съездах дают нам представление о составе земских собраний, расстановку классовых сил как среди избирателей в уездах, так и непосредственно на избирательных съездах. Так, в 1883 году в избирательных списках первой курии имели право участвовать 351 дворянин, или 69,3 проц. от общего числа избирателей, 124 (24,4 проц.) купца, мещанина и представителя прочих городских сословий, 30 (6 проц.) крестьян и 0,3 проц. духовенства. Всего имело право участвовать на избирательных съездах по первой курии 507 человек, участвовало же на съездах 218, или 43 проц. от общего числа избирателей. Процент участия на выборах по сословиям составлял: дворян—38 проц., представи-

Таблица 5

Мордовии, избранных в 1883 г. по куриям
гласных по куриям)[47]

Городская курия					Курия сельских обществ						
Всего по курии	в том числе				Всего по курии	в том числе					
	чиновники		купцы, мещане и прочие сословия			дворяне		крестьяне, члены сельских обществ		духовенство	
	абс	%	абс	%		абс	%	абс	%	абс	%
3	1	33,3	2	66,7	23	1	4,4	22	95,6	—	—
5	2	40,0	3	60,0	22		—	21	95,4	1	4,6
7	—	—	7	100,0	16		—	16	100,0	—	—
2	—	—	2	100,0	11		9,1	10	90,9	—	—
6	—	—	6	100,0	18	1	11,2	16	88,8	—	—
3	—	—	3	100,0	12	2	—	12	100,0	—	—
8	1	12,5	7	87,5	14	3	21,5	11	78,5	—	—
34	4	11,8	30	88,2	116	7	6,0	108	93,1	1	0,9

телей буржуазии—37, крестьян—43,3, от духовенства имели право участия на съездах 2 человека, а фактически участвовало 25 человек (из них 23 без права голоса).

Общие итоговые данные по 7 уездам Мордовии свидетельствуют о неустойчивости состава земских собраний. Дворянство по сравнению с 1865 годом к 1883 году заметно стало терять свои позиции. Если в 1865 году оно составляло в земских собраниях 40,4 проц., то в 1883 году — 34,5 проц. Представительство торгово-промышленной буржуазии возросло с 11,4 проц. до 20,2 проц. и все в основном за счет усиления их в первой землевладельческой курии. Доля крестьян-собственников изменилась мало, удельный вес гласных крестьян—членов сельских обществ повысился всего на 1,5 проц. (с 39,3 до 40,8 проц.). Процент крестьян-собственников и духовенства упал с 1,4 до 0,8 проц. и с 7,5 до 3,7 проц.[48] Правда, изменения эти не так значительны, однако анализы материала по отдельным уездам вскрывают те же закономерности, которые характерны для выборов по первой курии, и показывают наметившиеся сдвиги в социальном составе земства.

Процесс вытеснения дворянства в уездных земских соб-

Избиратели и уездные гласные 1 курии

(седьмого трехлетия 1883—1886 гг.)[49]

Уезды	Имели право участия в съездах					Участвовали		
	дворяне и чиновники	купцы, мещане и прочие сословия	духовенство	крестьяне	итого	дворяне и чиновники	купцы, мещане и прочие сословия	духовенство
Ардатовский	77	16	—	7	100	21	3	2
Инсарский	52	29	—	9	90	15	13	3
Краснослободский	19	10	2	7	38	6	4	8
Наровчатский	35	12	—	1	48	16	4	2
Саранский	74	27	—	3	104	21	9	6
Спасский	27	10	—	2	39	10	1	4
Темниковский	67	20	—	1	88	45	12	—
Итого	351	124	2	30	507	134	46	25
Всего в процентах	69,3	24,4	0,3	6,0	100,0	61,4	21,1	11,4

раниях заметен в основном в промышленно-развитых районах и был связан главным образом с усилением торгово-промышленного сословия.

Либеральная печать в лице газет «Русские ведомости», «Русский курьер» и других откликнулась на эти события серией статей, в которых констатировала усиление интереса к земским делам со стороны буржуазии.

«В настоящее время уже несомненно, — писала газета «Русский курьер» в 1884 году,—что русская буржуазия стремится стать во главе местного самоуправления».[50]

Об укреплении позиций буржуазии в уездных земствах Мордовии не раз сообщалось в отчетах губернаторов. Так, в 1883 году пензенский губернатор в своем отчете писал: «В земских гласных за весьми редкими исключениями замечается полнейший индифферентизм,[51] заведование делами управ в большинстве случаев возлагается на людей, не соответствующих своему назначению... на купцов и крестьян... Последние нередко избираются в члены управы, но такой член мало чем отличается от управского сторожа и пользуется почти таким же, как последний, положением».[52]

С усилением позиций буржуазии в земстве промышленники и торговцы Мордовии серьезно стали заботиться о своих

земледельческих съездов по сословиям

Таблица 6

в съездах		Избраны в уездные гласные					Избраны членами уездных земских управ			
крестьяне	итого	дворяне и чиновники	купцы, мещане и прочие сословия	духовенство	крестьяне	итого	дворяне и чиновники	купцы, мещане и прочие сословия	крестьяне	итого
1	27	21	1	1	—	23	—	—	3	3
3	34	10	10	1	1	22	1	1	1	3
—	18	4	2	3	—	9	2	—	1	3
1	23	7	1	1	—	9	1	—	2	3
2	38	13	5	3	1	22	1	1	1	3
1	16	7	1	1	—	9	1	—	3	4
5	62	19	4	—	—	23	2	1	—	3
13	218	81	24	10	2	117	8	3	11	22
6,1	100,0	69,2	20,5	8,5	1,8	100,0	36,4	13,6	50,0	100,0

классовых интересах. Представители буржуазии: купцы и заводчики делают попытки понизить земские налоги с виноторговцев и домовладельцев. На земских собраниях не раз поднимался вопрос в интересах промышленников и торговцев о строительстве крупных хлебохранилищ и железной дороги.[53]

В 80-е годы в Мордовии наблюдаются случаи, когда в состав уездных земских управ избираются исключительно представители торгово-промышленной буржуазии. Так, в 1886 году в состав Саранской уездной земской управы были избраны три гласных, в том числе купец Д. Ф. Фалалеев и два мещанина: П. С. Голицкий и Л. Н. Барабанов. Председателем управы был утвержден купец Фалалеев.

Либеральная газета «Земство» еще в декабре 1880 года писала, что место исчезающего дворянства стала занимать новая землевладельческая прослойка — купцы и разбогатевшие крестьяне, скупающие дворянские имения и делающиеся представителями нового «поместного сословия». Эти «новые владельцы бывших дворянских цензов... делались теперь наследниками того перевеса в земских собраниях, который был создан для дворянства».[54]

Тенденция известного обуржуазивания земских учреждений в это время проявилась не только в Мордовии, но и в

других губерниях России, как-то: в Московской, Владимирской, Нижегородской, Костромской, в которых в связи с развитием капитализма упрочились экономические позиции торгово-промышленной буржуазии.[55]

Подводя итоги выборов 1883—1886 гг., «Русские ведомости» писали, что «они произвели во многих местностях радикальную перемену в составе земского правительства», «купцы-фабриканты сплотились в партии, чтобы вытеснить дворян, которые с самого введения земских учреждений безраздельно владели кормилом земского правления».[56]

Либеральный земец-летописец земской жизни того времени В. Ю. Скалон считал «несомненным, что во многих местностях власть из рук дворян ушла... к другим общественным классам», объясняя это экономическим оскудением дворянства.[57]

Анализ социального состава земства за период с 1865 по 1883 год приводит к заключению, что в уездных собраниях Мордовии проявилась тенденция вытеснения дворянства представителями буржуазии и кулачества. Б. Б. Веселовский в своих работах отмечал случаи сплоченного выступления буржуазии на земских выборах, но считал их единичными, нисколько не подрывавшими господствующего положения дворянства. Вывод Веселовского в этой части мы считаем неточным, ибо массовый статистический материал доказывает, что усиление позиций новой буржуазии из непривилегированных сословий не было случайным или единичным явлением и выражало вполне определившиеся тенденции изменения социального состава уездных земств в районах наиболее интенсивного развития капитализма и буржуазных отношений. Не случайно в середине 80-х годов реакционное дворянство, а потом и правительство поставили вопрос о перестройке земской избирательной системы на сословных началах.

В 80-е годы XIX века, после разгрома народников, общеполитическая обстановка в стране коренным образом изменяется, наступает отлив второй революционной волны 1879—1881 годов, период повсеместной и «разнузданной, невероятно бессмысленной и зверской реакции».[58]

Благодаря политическому давлению правительству удалось на некоторое время притормозить рост буржуазных элементов в уездных земствах. Местные органы власти совместно с царским правительством стали настойчиво требовать от дворянства вновь занять ведущее место в земстве с од-

новременным тормозящим влиянием на представителей буржуазии и духовенства.

Мы видим, что к концу 80-х годов дворянство Мордовии активизировало свои действия в борьбе за место в земских собраниях, нашло в себе силы не только остановить натиск буржуазии, но и сделать попытку вернуть утраченные позиции. Итоги земских выборов 1889 года наглядно говорят о результатах победы дворянства над буржуазией (см. таблицу 7).

Из таблицы 7 видно, что после выборов 1889 года количество дворян-гласных в уездных земских собраниях по сравнению с 1883 годом значительно возросло. Так, в 1883 году дворян-гласных было 92 человека, в 1889 году их стало 104, но по сравнению с 1865 годом было ниже. И если количество дворян в 1865 году принять за 100 проц., то в 1889 году оно составило 94,5 проц. В уездах Наровчатском и Темниковском представители дворянства полностью восстановили свои позиции в земстве, и их даже стало больше. Так, в 1865 году в Наровчатском уезде было избрано дворян 9 человек, или 8,2 проц. от общего числа гласных в целом по уезду, а в 1889 году 11 (10,6 проц.), в Темниковском уезде соответственно 23 (20,9 проц.) и 26 (25 проц.) (см. таблицу 8).

Особенно большие изменения в составе уездных гласных мы видим при сравнении двух выборов: в 1883 и 1889 годах.

На выборах 1889 года по сравнению с 1883 годом в 4 уездах Мордовии из 7 дворянство сумело увеличить свое представительство в первой курии на 10 человек, в том числе в Инсарском — на 5, Краснослободском — на 2, Наровчатском — на 2 и Саранском уезде на 1 гласный. В двух уездах: в Ардатовском и Спасском — произошло уменьшение дворян-гласных на 2 человека. Но в целом по семи уездам Мордовии в 1889 году увеличение дворян-гласных составило 12 человек.

Если же сравнить положение дворянства 1889 года с 1865 годом (см. таблица 3 и 7), то мы заметим, что позиции дворянства 1889 года отнюдь не были одинаковы с позициями 1865 года, ибо дворяне по первой курии в 1865 году уступали место гласным буржуазии только в 2 уездах—Саранском и Темниковском, а в 1889 году такое положение было уже в 5 уездах—Ардатовском, Инсарском, Краснослободском, Саранском и Темниковском. В 1865 году уездных гласных от

Социальный состав гласных уездных земств

(количество и процент к общему числу

Уезды	Всего по курии	Курия землевладельцев								Всего по курии
		в том числе								
		дворяне и чиновники		купцы, мещане и прочие сословия		крестьяне-собственники		духовенство		
		абс	%	абс	%	абс	%	абс	%	
Ардатовский	24	20	83,4	2	8,3	2	8,3	—	—	3
Инсарский	25	15	60,0	5	20,0	2	8,0	3	12,0	5
Краснослободский	9	6	66,6	3	33,4	—	—	—	—	7
Наровчатский	9	9	100,0	—	—	—	—	—	—	2
Саранский	23	14	61,0	4	17,3	2	8,7	3	13,0	6
Спасский	7	6	85,7	—	—	—	—	1	14,3	3
Темниковский	23	19	82,6	3	13,0	1	4,4	—	—	8
Итого	120	89	74,2	17	14,2	7	5,8	7	5,8	34

дворянства было 110 человек, или 40,4 проц., а в 1889 году осталось 104 (38,3 проц.), меньше на 6 человек.

Выше мы рассмотрели позиции дворянства в уездных земствах Мордовии к концу 80-х годов XIX века.

Какими же оказались позиции торгово-промышленного сословия в это время? (См. таблицу 9).

Мордовии, избранных в 1889 году по куриям (гласных по куриям)[59]

Таблица 7

Городская курия				Всего по курии	Курия сельских обществ					
в том числе					в том числе					
дворяне и чиновники		купцы, мещане и прочие сословия			дворяне и чиновники		купцы, мещане и прочие сословия		крестьяне-члены сельских обществ	
абс	%	абс	%		абс	%	абс	%	абс	%
1	33,4	2	66,6	23	—	—	—	—	23	100,0
1	20,0	4	80,0	22	1	4,6	—	—	21	95,4
—	—	7	100,0	16	2	12,5	1	6,3	13	81,2
2	100,0	—	—	11	—	—	—	—	11	100,0
—	—	6	100,0	18	1	5,6	—	—	17	94,4
—	—	6	100,0	12	—	—	—	—	12	100,0
2	25,0	6	75,0	15	5	33,3	—	—	10	66,7
6	17,6	28	82,4	117	9	7,6	1	1,0	107	91,4

Таблица 8

Количество гласных дворян за 1865, 1883 и 1889 годы

Уезды	В целом по уездам			По первой курии		
	1865 г.	1883 г.	1889 г.	1865 г.	1883 г.	1889 г.
Ардатовский	22	23	21	20	21	20
Инсарский	19	12	17	15	10	15
Краснослободский	9	4	8	7	4	6
Наровчатский	9	8	11	9	7	9
Саранский	20	15	15	20	13	14
Спасский	8	7	6	8	7	6
Темниковский	23	23	26	21	19	19
Итого	110	92	104	100	81	89

Таблица 9

Социальный состав гласных уездных земств Мордовии, избранных в 1889 году (количество и процент к общему числу гласных по уезду)

Уезды	Всего гласных		В том числе									
			дворяне и чиновники		купцы и прочие сословия		крестьяне-собственники		крестьяне		духовенство	
	абс	%	абс	%	абс	%	абс	%	абс	%	абс	%
Ардатовский	50	2,0	21	42,0	4	8,0	1	2,0	23	46,0	—	—
Инсарский	52	2,0	17	32,6	9	17,6	2	3,3	21	40,3	3	5,7
Краснослободский	32	—	8	25,0	11	34,6	—	—	13	40,6	—	—
Наровчатский	22	—	11	50,0	—	—	—	—	11	50,0	—	—
Саранский	47	1,0	15	31,9	10	21,2	2	4,5	17	36,1	3	6,3
Спасский	22	2,0	6	27,2	3	14,4	—	—	12	54,5	1	4,4
Темниковский	46	—	26	56,5	9	19,5	1	2,3	10	21,7	—	—
Итого	271	—	104	38,8	46	16,9	6	2,3	107	39,4	7	2,6

Из таблицы 9 и 4 мы видим, что представительство буржуазии в земствах в 1889 году по сравнению с 1883 годом в целом уменьшилось на 8 человек (3,3 проц.). Правда, в двух уездах — Ардатовском и Краснослободском — произошло увеличение числа представителей буржуазии на 3 человека, но зато в остальных пяти уездах—Инсарском, Наровчатском, Саранском, Спасском и Темниковском—количество представителей буржуазии уменьшилось на 11 человек и, что характерно, все освобожденные места были заняты дворянами. Если же рассмотреть данные по первой курии, то видно, что в 1883 году гласных от торгово-промышленной буржуазии было избрано 24 человека, или 20,5 проц., представителей дворян 81 (69,2 проц.), а в 1889 году соответственно 17 (14.2 проц.) и 89 (74,2 проц.), то есть представителей буржуазии было избрано на 7 человек меньше, а дворян на 8 больше.

Л. Г. Мамулова (Захарова) в статье «Социальный состав уездных земских собраний в 1865—1886 годы» отмечает, что в Средне-Волжских районах, где преобладало дворянское землевладение и развитие капиталистических отношений и формирование буржуазии шло очень медленно, представительство дворянства в земстве увеличивается. Продвижение купцов в гласные здесь идет несравненно медленнее, чем в промышленных губерниях.[60]

Итоги выборов 1889 года по первой курии показывают, что полного господства дворянство добилось в экономически отсталых уездах, где его представительство колебалось от 82 до 100 проц. (Темниковский—82,6 проц., Ардатовский — 83,4 проц., Спасский —85,7 проц., Наровчатский—100 проц.) и только в одном Краснослободском уезде буржуазия сохранила за собой позиции, получив по первой курии 33 проц. голосов. В целом по Мордовии торгово-промышленная буржуазия сумела получить по первой курии всего лишь 14 проц. мест в земских собраниях. Это еще раз говорит о том, что развитие капитализма в Мордовии шло очень медленно, помещичье-дворянское сословие с помощью правительства и местной администрации крепко держало свои позиции в земстве.

В ходе работы над выявлениями социального состава уездных земских гласных мы составили таблицу (№ 10) об изменениях социального состава гласных Мордовии по первой курии за период 1865 по 1889 год, которая наглядно подтверждает основные социально-экономические процессы, происходившие в Мордовии за двадцатипятилетнюю деятель-

ность земства — оскудение поместного дворянства и увеличение значения и роли буржуазии. Так, в 1865 году дворян и чиновников в состав уездных гласных от первой курии по семи уездам Мордовии было избрано 100 человек, или 82,6 проц. от общего числа гласных, а в 1889 году 89 человек, или 74,2 проц., то есть меньше на 11 человек. Причем надо заметить, что к концу 80-х годов правительство и местная администрация крепко помогли дворянам в захвате мест в земствах и не допускали в гласных представителей буржуазии.

В 1889 году по сравнению с 1865 годом по первой курии имела значительные успехи торгово-промышленная буржуазия. Если в 1865 году в состав гласных было избрано всего 3 купца (2,4 проц.), то в 1889 году представителей буржуазии было уже 17 (14,2 проц.), почти в 6 раз больше.

За период с 1865 по 1889 год произошли изменения и в составе гласных от крестьян-собственников. Если в 1865 году было избрано гласными 4 крестьянина-кулака, то в 1889 году — уже 7.

Таблица 10

Социальный состав гласных от I курии по семи уездам Мордовии[61]

Годы	Дворяне и чиновники		Торгово-промышленная буржуазия		Крестьяне-собственники		Духовенство		Итого	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
1865—1866	100	82,6	3	2,4	4	3,4	14	11,5	121	100,0
1883—1886	81	69,2	24	20,5	2	1,7	10	8,6	117	100,0
1889—1890	89	74,2	17	14,2	7	5,8	7	5,8	120	100,0

Большие изменения за период с 1865 по 1889 год заметны и в составе гласных от духовенства: ровно в два раза — с 14 (11,5 проц.) до 7 (5,8 проц.) сократился их состав за двадцатипятилетний период существования земства.

Все эти обстоятельства ставили правительство перед необходимостью коренного изменения избирательной системы и самого строя земских учреждений.

В условиях реакции царское правительство провело ряд мероприятий, направленных на поддержание политического и экономического положения дворянства. Учрежденные в эти годы Крестьянский и Дворянский банки своей кредитной политикой обеспечивали прежде всего интересы помещиков. В

1889 году был создан институт земских начальников, получивших широкую административную и судебную власть над крестьянами.

12 июня 1890 года была проведена земская контрреформа. Наиболее существенным изменением, внесенным Положением 1890 года по сравнению с 1864 годом, явилось изменение выборов по сословиям с преобладанием гласных-дворян, лишение избирательных прав духовенства, крестьянских товарищества, а также крестьян, владевших в уездах сверхнадельной еще и частной землей, ограничение прав торгово-промышленной буржуазии. Был установлен новый порядок назначения гласных от крестьян. Что касается самостоятельности земских учреждений, то она подверглась сильному стеснению главным образом благодаря введению статьи 87, дававшей право администрации вмешиваться в земские дела. Уездные земские собрания были лишены права непосредственных ходатайств. Контрреформой 1890 года было установлено новое расписание числа гласных губернских и уездных собраний. С введением Положения 1890 года число гласных значительно сократилось. В собраниях увеличилось представительство дворянства, остальные сословия, особенно крестьянство, получили меньшее количество мест.

Согласно новому Положению, число уездных гласных в Мордовии было установлено следующее (см. таблицу 11).

Таблица 11

Расписание числа гласных уездных земских собраний Мордовии, установленных по новому Положению о губернских и уездных земских учреждениях 1 июня 1890 года[62]

Уезды	Число гласных в уездных земских собраниях				
	от первого избирательного собрания	от второго избирательного собрания	от сельских обществ	итого	Количество десятин земли, дающее право участвовать в избират. собраниях
Ардатовский	22	3	11	36	200
Инсарский	21	3	11	35	175
Краснослободский	8	3	4	15	200
Наровчатский	13	3	6	22	175
Саранский	20	3	10	33	175
Спасский	7	3	5	15	200
Темниковский	16	4	8	28	200
Итого	107	22	55	184	—

Сохранив с отмеченными исключениями имущественный принцип представительства, Положение 1890 года ввело сословное деление избирателей. Степень пользования избирательными правами была поставлена тем самым в непосредственную зависимость от принадлежности к определенному сословию. Система 1864 года также не была чужда сословности. Группировка избирателей по трем основным съездам (землевладельцев, городских и сельских обществ) имела целью «сохранить отчасти исторический характер сословных делений, ибо в каждом из классов преобладает одно из главных исторически сложившихся сословий»[63]. Сословные черты созданной буржуазным законодательством 60-х годов системы проявлялись в неравномерности представительства, в преобладании, которое получило в земстве дворянство. Контрреформа уже не «отчасти», а весьма последовательно соблюдала сословную группировку избирателей, чтобы в первую очередь обеспечить абсолютное большинство в земстве за дворянством. Согласно новому расписанию, установленному 1 июня 1890 года, число гласных-дворян от первого избирательного собрания в уездных земских собраниях Мордовии составляет более 58 проц. от общего числа гласных, от второго избирательного собрания около 12 и от сельских обществ 29,8 проц.

После контрреформы первые выборы в уездные земские гласные в Мордовии состоялись в сентябре-ноябре 1892 года. Вот как выглядит социальный состав гласных уездных собраний Мордовии, избранных в результате первых выборов 1892 года.

Таблица 12[64]

Уезды	Всего	От первого избирательного собрания		От второго избирательного собрания		От сельских обществ	
		абс	%	абс	%	абс	%
Ардатовский	33	19	57,5	3	9,2	11	33,3
Инсарский	27	14	52,0	2	7,3	11	40,7
Краснослободский	15	8	53,3	3	20,0	4	26,7
Наровчатский	21	13	62,0	2	9,4	6	28,6
Саранский	33	20	60,6	3	9,1	10	30,3
Спасский	12	5	41,6	2	16,8	5	41,6
Темниковский	28	16	57,1	4	14,4	8	28,5
Итого	168	95	56,2	19	11,3	55	32,5

Из таблицы 12 видно, что после выборов 1892 года от первого избирательного собрания количество дворян-гласных уездных земских собраний во многом увеличилось по сравнению с итогами выборов 1889 года и составило 56,2 проц., от второго избирательного собрания — 11,3 проц. и от сельских обществ 32,5 проц.

Однако попытка правительства реставрировать «дворянскую эру» и осуществить «второе издание крепостничества» в деревне столкнулась с необратимым ходом развития социально-экономических отношений в стране. Росла буржуазия, увеличилась ее роль в хозяйственной жизни. И дворянское правительство не могло не считаться с этим, ему пришлось усилить покровительство промышленности, оградить ее интересы. Вот почему контрреформы, предпринятые самодержавием (в том числе и земская контрреформа 1890 года), представляли собой не просто «шаг назад» к дворянству, — это был «шаг назад на ступени пореформенной России, далеко ушедшей от времени николаевской эпохи, когда дворянин-помещик командовал без «плутократии», без железных дорог, без растущего третьего элемента»[65].

Таким образом, рассмотрение социального состава уездных земских гласных как по куриям, так и в целом по уездным собраниям за 1865 и 1892 годы дало нам возможность лучше увидеть изменения в соотношении сил между дворянством, буржуазией и крестьянством; помогли лучше определить неизбежность в условиях сохранения прежней земской избирательной системы дальнейшего усиления позиций буржуазии, лучше понять причины проведения земской контрреформы 1890 года в России.

С развитием капитализма как в промышленности, так и в сельском хозяйстве Мордовии наблюдается тенденция к изменению социального состава уездных гласных. В Краснослободском, Спасском и Саранском уездах интенсивнее идет развитие капитализма, здесь значительно возрастает и роль буржуазии в земстве. И, наоборот, в уездах с отсталой экономикой—Наровчатском, Инсарском и Ардатовском — наблюдается консервация и даже усиление позиций дворянства в земстве.

В Мордовии, являвшейся цитаделью дворянского землевладения и феодально-крепостнических пережитков, дворянство в целом удерживало свои позиции на выборах на съезде землевладельцев. Роль купечества возрастала несравненно медленнее, чем в губерниях с промышленно развитой эконо-

микой. Доля гласных крестьян-собственников изменялась незначительно. И через двадцать пять лет после введения земского Положения представительство дворянства от первой курии здесь очень велико, а купцов и крестьян-собственников незначительно: 89 (74,2 проц.), 17 (14,2 проц.) и 7 (5,8 проц.).

С введением нового Положения 1890 года представительство дворянства от первого избирательного собрания в состав уездных земских гласных еще больше увеличивается, но к концу 90-х и 900-х годов с развитием капитализма в стране позиции дворянства быстро ослабевают, а роль буржуазии в общественно-политической жизни усиливается. Архивные материалы того времени свидетельствуют об активизации торгово-промышленного сословия. Буржуазия стала видеть в земстве один из немногих путей к получению какой-либо власти в масштабе уезда, возможность так или иначе влиять на ход местных дел.

---

[1] **В. И. Ленин.** Полн. собр. соч., т. 20, стр. 165.

[2] **В. И. Ленин.** Полн. собр. соч., т. 5, стр. 33.

[3] В работах дореволюционных историков социальный состав уездных земств Мордовии специально не рассматривался. Отдельные уезды частично были затронуты в исследовании **Б. Б. Веселовского** «История земства за 40 лет», в 4 тт. В работах советских историков этот вопрос также не ставился. Источником для статистического анализа послужили архивные материалы из фондов губернских и уездных земских управ Пензенской, Тамбовской и Симбирской губерний, хранящихся в ГАПО, ГАТО и ГАУО, фондов департамента общих дел МВД в ЦГАОР, сообщения о подготовке и ходе земских выборов, опубликованные в периодической печати, и ряд других материалов.

[4] **Б. Б. Веселовский.** История земства за 40 лет, том III. СПб., 1911; **Л. Г. Мамулова.** Социальный состав уездных земских собраний в 1865—1886 гг.—«Вестник МГУ», 1962, № 6, **Т. Н. Львова.** Московское земство в 1865—1890 гг., кандидатская диссертация. М., 1968; **Н. Л. Хайкина.** Земские учреждения Самарской губернии в 1864—1881 гг. Куйбышев, 1961; **М. И. Черныш.** Пермское земство в 1870—1880 гг. Молотов, 1952; **Л. М. Побережская.** Подготовка и проведение земских реформ в Нижегородской губернии. Горький, 1967 и другие.

[5] **Т. Н. Львова.** Московское земство в 1865—1890 гг. М., 1968, стр. 46—47.

[6] «Тамбовские губернские ведомости», 1864, № 11.

[7] Памятная книжка Пензенской губернии на 1864 год. Пенза, 1864, стр. 3; Двадцатипятилетняя деятельность Пензенского земства. Пенза, 1894, стр. 10—11.

[8] «Пензенские губернские ведомости», 1864, № 30.

[9] «Симбирские губернские ведомости», 1864, № 14.

[10] Во всех уездах Мордовии был такой имущественный ценз.

[11] **Л. Г. Захарова.** Земская контрреформа 1890 года. Издательство МГУ, 1968, стр. 13—14.

[12] Полное собрание законов (ПСЗ), собрание второе, том 39, отд. 1, № 40457, статья 23 (ВИГ).

[13] Полное собрание законов, собрание второе, том 39, отд. 1, № 40457, статья 23 (д).

[14] «Русские ведомости», 8 декабря 1864 года, № 17.

[15] Сведения о количестве избирателей по I и II куриям за 1864 год взяты из газеты «Пензенские губернские ведомости» за 1864 год, № 37, 38, 40.

[16] «Пензенские губернские ведомости», 1864 год, № 38.

[17] Сведения о количестве населения по городам Мордовии взяты из «Памятной книжки Пензенской губернии за 1865—1867 годы». Пенза, 1868

[18] «Колокол», газета **А. И. Герцена** и **Н. П. Огарева**, 15 марта 1866 года, лл. 1770—1772, М., Изд. Акад. наук СССР, 1963.

[19] Расписание числа гласных 1864 года не пересматривалось до земской контрреформы 1890 года и являлось как бы единой из сословных черт земской избирательной системы, закрепляло преобладание в земских учреждениях крупных землевладельцев, представленных в период принятия и проведения буржуазных реформ 60-х годов, главным образом дворянства.

[20] «Пензенские губернские ведомости», 1865, № 7, 13, 23.

[21] **Б. Б. Веселовский**. История земства за 40 лет, том. IV СПб., 1911, стр. 179.

[22] «Пензенские губернские ведомости», 1868, № 13 и 23.

[23] **В. И. Ленин.** Полн. собр. соч., т. 5, стр. 26.

[24] Отдел рукописей Государственной библиотеки им. Ленина (далее ГБЛ, фонд Киреевых), № 126, д. 1, л. 175 об.

[25] ЦГАОР, ф. 109, оп. 8, д. 5, ч. 21, III отд. I экспедиции.

[26] «Пензенские губернские ведомости», 1868, № 1, 7, 13.

[27] ЦГАОР, ф. 109, оп. 8, д. 40, ч. 7, III отд. I экспедиции.

[28] ЦГАОР, ф. 109, оп. 8, д. 40, ч. 7, III отд. I экспедиции.

[29] «Пензенские губернские ведомости», 1868, № 23.

[30] Таблица составлена по данным газет: «Пензенские губернские ведомости» за 1865 год, № 5; «Симбирские губернские ведомости» за 1865 год, № 29.

[31] «Северная почта», 1865, № 35.

[32] **К. А. Котков** и **И. М. Корсаков.** Развитие капитализма в Мордовии после отмены крепостного права. «Записки» МНИИЯЛИЭ. Саранск, 1955, № 7, стр. 108.

[33] Женщины непосредственно к участию в земских учреждениях не допускались.

[34] «Пензенские губернские ведомости», 1864, № 38.

[53] «Сельские старосты и волостные старшины... являлись своеобразной правительственной агентурой в деревне, призванной обеспечить бесприкословное повиновение и выполнение крестьянами их повинностей как государству, так и помещикам». **П. А. Зайончковский.** Проведение в жизнь реформы 1861 года. М., 1958, стр. 94.

[36] «Пензенские губернские ведомости», 1868, № 19; здесь же, 1877, № 82.

[37] **В. И. Ленин.** Полн. собр. соч., т. 15, стр. 131.

[38] Отдел рукописей ГБЛ, фонд Киреевых, № 126, оп. 1, д. 2, л. 175 об.

[39] ГАТО, ф. 143, оп. 1, д. 150.

[40] «Колокол», 1 апреля 1865 года. М., 1963, л. 1611.

[41] Отдел рукописей ГБЛ, фонд Киреевых, № 126, оп. 1, д. 2, л. 142 об.

[42] «Пензенские губернские ведомости», 1864, № 40.

[43] **В. И. Ленин.** Полн. собр. соч., т. 23, стр. 91.

[44] ЦГАОР, ф. 109, оп. 8, д. 5, ч. 23, III Отд., 1 экспедиция, 1867 года.

[45] Отдел рукописей ГБЛ, ф. Киреевых, № 126, оп. 1, д. 2, л. 141 об.

[46] Таблица 4 составлена на основании данных статистики Российской империи, V. Статистика выборов в земские учреждения за 1883—1886 годы. СПб. Изд-во Центрального статистического комитета МВД. 1888, стр. 85—131.

[47] Статистика Российской империи, V, статистика выборов в земские учреждения за 1883—1886 годы. СПб., Изд-во Центрального статистического комитета МВД. 1886 год.

[48] Статистика Российской империи, V. Статистика выборов в земские учреждения за 1883—1886 годы. СПб., Изд-во Центрального статистического комитета МВД, 1888, стр. 36, 42, 44.

[49] Смотрите таблицу 2 и 4.

[50] «Русский курьер», 1884, № 131.

[51] Индифферентизм—отсутствие интереса к чему-либо, безучастность.

[52] ЦГИА, ф. 1284, оп. 223, д. 88, лл. 11—13.

[53] ЦГИА, ф. 1287, оп. 23, д. 1574, лл. 62—63; Там же, оп. 25, д. 795, лл. 1—6.

[54] «Земство», 5 декабря 1880 года.

[55] **Л. Г. Мамулова** (Захарова). Социальный состав уездных земских собраний в 1865—1866 гг.—«Вестник МГУ», 1962. № 6.

[56] **Л. Г. Захарова.** Земская контрреформа 1890 года. 1968, стр. 26.

[57] Там же, стр. 26—27.

[58] **В. И. Ленин.** Полн. собр. соч., том 1, стр. 295.

[59] ЦГИА, ф. 1287, д. 2262, лл. 71—31, ГАТО, оп. 143, д. 1, л. 158; «Пензенские губернские ведомости», 1889, №№ 30, 31, 35, 137, 148, 157.

[60] **Л. Г. Мамулова** (Захароза). Социальный состав уездных земских собраний в 1865—1866 гг.—«Вестник МГУ», 1962, № 6, стр. 42

[61] Таблица составлена на основании данных таблицы 3, 5, 8.

[62] Владелец имения, составлявшего в одной окружной меже, но расположенного в двух или более уездах, из которых в каждом количестве земли не достигает размера, установленного для участия в избрании уездных гласных, участвует в земских выборах того уезда, где находится большая часть имения, если притом оно в полном составе дает на то право по количеству десятин находящейся в ней земли. См.: Полное собрание законов Российской Империи. Собрание III, том X, отделение 2 за 1890 год. СПб., 1895.

[63] Материалы по земско-общественному устройству, т. II. СПб., 1886, стр. 366.

[64] ЦГИА, ф. 1287, оп. 27, д. 2263, лл. 64—72; «Пензенские губернские ведомости» за 1892 год, № 187, 204, 212, 214; «Тамбовские губернские ведомости» за 1892 год. № 212 и 214.

[65] **В. И. Ленин.** Полн. собр. соч., т. 21, стр. 81.

К. М. Тимошкин

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЗЕМСТВА НА ТЕРРИТОРИИ МОРДОВИИ (1864—1890 ГГ.)

По Положению 1864 года земские учреждения определялись в первую очередь как «хозяйственные учреждения». В компетенцию земства входили лишь местные хозяйственные дела, которые касались «польз и нужд» данной губернии или уезда. К ним относились мероприятия, способствующие развитию земледелия, торговли, промышленности, а также поддержание дорог местного значения, борьба с вредителями полей и лугов, меры по предупреждению падежа скота, заведование народным образованием, здравоохранением и др.[1]

Наряду с вопросами экономики закон обязывал земские учреждения заниматься и своими собственными, чисто земскими делами: заведованием имуществом, капиталами и денежными сборами, устройством и содержанием принадлежащих ему зданий и т. д.

Мы видим, что по Положению 1864 года земские учреждения ведали большим кругом вопросов, однако свои функции они выполняли не одинаково. Вопросам экономики сельского хозяйства, дорожному делу на первом этапе своей деятельности они уделяли меньше внимания, чем денежным сборам, устройству и содержанию земских зданий, медицине и народному образованию.

К вопросам экономики земство обращается лишь в 80—90-е годы, особенно после двух неурожайных лет (1883 и 1891 гг.), которые наглядно показали, насколько не обеспечено сельское хозяйство России, насколько примитивны способы его ведения. До этого времени можно говорить только

о единичных мероприятиях в области сельского хозяйства: в отраслях полеводства и животноводства.

В статье впервые рассматризается деятельность земства в области сельского хозяйства Мордовии за период с 1865 по 1890 год.

Основными источниками данной статьи явились материалы Пензенского, Тамбовского и Ульяновского областных архивов (ГАПО, ГАТО, ГАУО), а также Центрального государственного исторического архива (ЦГИА).

Ценные сведения извлечены нами из журналов земских собраний, которые сохранились в фондах канцелярии губернатора.

По исследуемой теме имеются нужные статистические сведения в обзорах Пензенской губернии, в «Губернских ведомостях», в «Симбирской земской газете».

Нами проанализировано большое количество постановлений уездных и губернских собраний, отчетов губернаторов, председателей земских управ и начальников губернских жандармерий.

Материалы указанных источников позволили сделать соответствующие выводы.

Агрономическая помощь

В области сельского хозяйства деятельность земских учреждений Мордовии в изучаемый период не носила систематического и сколько-нибудь планомерного характера.

В 60—70-е годы земство лишь оказывало содействие организации ссудо-сберегательных товариществ, улучшению пород рабочих лошадей, истреблению вредителей скота и зерновых культур, созданию показательных хозяйств и проведению классификации земель, то есть земства в первую очередь проявляли заботу о проведении в жизнь таких мероприятий, которые бы приносили помещикам и кулакам материальную выгоду. Так, с 1872 года земства Саранского, Инсарского, Наровчатского и других уездов стали проводить выставки рабочих лошадей, на что ежегодно каждое уездное земство выделяло по 200 руб.[2] Участниками выставок были в основном владельцы-коннозаводчики и крупные крестьяне-собственники. С целью повышения культуры земледелия в 1873 году в имении помещика Н. Е. Кондакова в селе Чукалы Краснослободского уезда было образовано показательное хозяйство хуторского типа. Хозяйство имело 332 дес. земли.

Из них 300 дес. находились под пашней, 400 саж. под огородами и 2 дес. 740 саж. под усадьбами. Пашня была разделена на 4 поля, в каждом по 75 дес. В хозяйстве выращивались рожь, просо, горох, гречиха и овощные культуры. В летнее время на полях работало около 70 человек, зимой—16. За ними было закреплено пять лошадей. Работы велись под надзором бургомистра, рабочий день длился до 12 часов в сутки, за что работники получали жалкие гроши.[3]

В 1873 году на чрезвычайном Пензенском губернском земском собрании был утвержден устав сельскохозяйственного съезда. В этом же году состоялся первый губернский сельскохозяйственный съезд, где рассматривались вопросы: о содействии уездным земствам в исследовании земель; о распространении агрономических знаний, способствующих усовершенствованию хозяйств местных землевладельцев, о проведении уездных сельскохозяйственных съездов, организации земледельческих выставок и создании губернского музея.[4]

На территории Мордовии вопрос о проведении уездного сельскохозяйственного съезда впервые был рассмотрен на Краснослободском уездном земском собрании в 1874 году, в постановлении которого записано: «поручить управе созвать в свободное время года сельскохозяйственный съезд; пригласить на съезд всех землевладельцев уезда и земских гласных».[5] На этом же собрании обсуждался вопрос о классификации почв. Было решено нанять землемера, который должен был составить общий план земли уезда с указанием количества и качества ее и кому она принадлежит. На проведение этого мероприятия земское собрание выделило 1000 рублей.

Первая сельскохозяйственная выставка в Пензенской губернии состоялась в 1874 г.[6] С этого времени губернская земская управа стала часто проводить сельскохозяйственные выставки. Экспонентами были преимущественно крупные землевладельцы и зажиточные крестьяне Пензенской губернии, в том числе из Саранского, Инсарского, Наровчатского и Краснослободского уездов Мордовии. Среди них крупные землевладельцы: И. А. Арапов, Д. Е. Чарыков, И. Д. Голов, В. Д. Литвинов.

На выставках демонстрировались зерновые, овощи, мед, масло, гончарные и железные изделия, предметы женского рукоделия, кожаная и валяная обувь, веялки, сортировки, плуги, сохи, бороны, лошади, рогатый скот и домашняя птица. Земская управа выставила различные сорта хлебных семян, часть которых была выписана из московских комисси-

онеров. На выставке был организован склад сельскохозяйственных машин для продажи. Многие экспонаты после выставки были проданы, часть поступила в распоряжение губернской земской управы. На основе их в 1874 году в Пензе открыли музей природоведения.[7] Лучшим экспонентам вручены медали, похвальные листы и денежные награды. Всего с 1874 по 1890 год состоялось 18 выставок. В 1887 году на выставке впервые были представлены травы: клевер, тимофеевка, вика, посевы которых применялись как для восстановления структуры почвы, так и для перехода к многопольной системе.

В конце 70-х — начале 80-х годов в уездах Мордовии начали проводиться окружные сельскохозяйственные съезды. Так, в 1881 году в городе Саранске состоялся первый окружной сельскохозяйственный съезд, на котором участвовали земские гласные и землевладельцы Саранского, Инсарского и Краснослободского уездов.[8]

Однако вопросы сельского хозяйства в 70-е и в начале 80-х годов XIX века у земских деятелей Мордовии не стояли на первом плане. Некоторое оживление в этой области стало проявляться в середине 80-х годов в связи с неурожаем, бедственным положением массы крестьянства и аграрным движением. В 1883 году в результате неурожая во многих уездах погибли десятки тысяч десятин посевов, ощущался огромный недостаток хлеба, картофеля. Очень скудными были сбор сена и соломы, а запасов от прежних лет почти не сохранилось.

Особенно сильно пострадало от неурожая население Саранского, Инсарского, Наровчатского, Краснослободского, Ардатовского уездов. По Саранскому уезду в 1883 году была выдана ссуда на посев озимых полей 123 обществам, где население составляло 61384 души, а в Инсарском уезде—209 обществам. На 74591 едока требовалось зерна на продовольствие 372786 пудов.[9] В Наровчатском уезде из общего числа домохозяев только 10 проц. могло прокормиться своим хлебом и обсеменить поля своими семенами, у 60 проц. недоставало семян на посев, а у 30 проц. не было зерна на продовольствие и на посев. В Краснослободском уезде ввиду скудного урожая и по случаю истребления до 8 тысяч десятин озимых червем требовалась ссуда 93 тыс. рублей.[10] В Ардатовском, Спасском и Темниковском уездах многие крестьяне взялись за суму и пошли по миру. В 1884 и 1885 годах ввиду недоедания среди населения Мордовии разразились заразные бо-

лезни, как, например, холера, цинга, дизентерия и т. п., начался массовый падеж скота. Губернские земства (Пензенское, Симбирское и Тамбовское) не в силах были предпринять каких-либо действенных мер по борьбе с голодом, ибо на сельское хозяйство и улучшение экономического положения населения ими расходовалось всего лишь 5—6 проц. бюджета.

До 80-х годов земских агрономов в Мордовии не было. Впервые вопрос о земских агрономах был поставлен в 1874 году на Пензенском губернском сельскохозяйственном съезде. Но положительных результатов тогда не было достигнуто. Вторично этот вопрос обсуждался в 1877 году. Земцы отмечали, что «губернские агрономы принесут больше пользы, состоя при земствах, нежели как членами от правительства». Съезд постановил: «должность губернского земского агронома учредить».[11] Земские агрономы в то время назывались агрономическими смотрителями. В их обязанности входило: непосредственное занятие в сельском хозяйстве, в имениях крупных помещиков создавать опытные участки, улучшать культуру земледелия, проводить практическую работу по борьбе с сельскохозяйственными вредителями зерновых культур, в свободное от непосредственной работы время заниматься статистическим учетом и другими делами.

Первыми земскими агрономами были агрономы-практики, которые раньше работали управляющими или агрономами в помещичьих хозяйствах.

В 1886 году Пензенская губернская земская управа сделала запрос директору Красноуфимского реального училища Н. А. Соковину относительно условий, на каких его ученики согласятся поступить к ним на земскую службу в качестве агрономических смотрителей.[12]

Губернские земские агрономы консультировали уездные земские управы и отдельных помещиков, выясняли деление уездов на районы в почвенном отношении, вносили на рассмотрение земских собраний доклады по проведению различных сельскохозяйственных мероприятий, создавали показательные участки по выращиванию различных культурных растений, заведовали складами сельскохозяйственных машин и т. п. Деятельность земских агрономов обычно регулировалась особыми инструкциями. Изучение протоколов земских собраний, а также протоколов агрономических съездов позволяет сделать вывод о том, что в 80-е годы внимание и энергия агрономических смотрителей были направлены на борьбу с

различными вредителями (насекомыми и растительными паразитами). К предлагаемым мероприятиям основная масса крестьянства относилась с недоверием, расценивая их как хитрую барскую затею, а с другой стороны, и это главное, меры, рекомендованные агрономическими смотрителями для борьбы с сельскохозяйственными вредителями, были не под силу бедным и даже средним крестьянским хозяйствам. Так, против озимой свиноголовки рекомендовалось разбить поле бороздой и сделать канавку вершков 6 глубиной. Канавки эти нужно было ежедневно осматривать и уничтожать попавших туда червей; там, где поле сильно поражено червями, надлежало его перепахать, чтобы вывороти червей наружу для уничтожения их птицами, через неделю вновь перепахать и только после этого поле засевать заново.[13]

Такие мероприятия в борьбе с заразными насекомыми требовали для своего осуществления значительной состоятельности крестьян. Поэтому наибольшее распространение в народе получило окапывание зараженных полей канавками.

Агрономические смотрители на страницах газет («Пензенские губернские ведомости», «Симбирская земская газета», «Тамбовские губернские ведомости» и др.) стали публиковать статьи, советы на агрономические темы, чтобы в имениях помещиков создавались образцовые показательные поля, где крестьяне-работники под руководством агронома ухаживали бы за растениями и конкретно убеждались бы в эффективных действиях проводимых мероприятий, которые воспринимались бы ими и по мере возможности и сил осуществлялись у себя на практике.

Таким образом, отдельные советы и наглядные демонстрации методов борьбы с вредителями зерновых культур являлись общеполезными.

В области полеводства в 80-е годы земством проводились еще следующие мероприятия: исследование почв и составление почвенных карт, внедрение травосеяния, введение четырехпольного севооборота и другие.

Земства ассигновывали средства на закупку семян для раздачи населению. Так, в 1891 неурожайном году на обсеменение полей было выделено в Краснослободском уезде 218800 рублей, Наровчатском — 263 тысячи, Инсарском — 365026 рублей, Саранском уезде — 175 тысяч рублей.[14] Управы при каждом вновь открываемом сельском училище создавали пришкольные участки, бесплатно выдавали огородные семена, саженцы фруктовых деревьев и кустарников. Учащиеся

под руководством учителей выращивали различные овощи и фрукты, тем самым пришкольные участки служили как бы рассадником «культурных» растений среди сельского населения. Агрономические смотрители с особого разрешения губернской управы организовывали чтение докладов и бесед на сельскохозяйственные темы, разъясняли крестьянам роль и значение агрономов, указывали им, по каким вопросам они могут оказывать помощь, пропагандировали различные виды удобрения земли: навоз, золу, известь, куриный и голубиный помет, запашку зеленого удобрения на поле (гречиха, вика, люпин и др.), но эти мероприятия проводились крайне недостаточно.

В начале 90-х годов в роли распространения передового опыта обработки земли, улучшенных сортов семян в Мордовии выступила Обороченская сельскохозяйственная школа Краснослободского уезда.[15]

В 1887 году купец второй гильдии И. Д. Голов пожертвовал Краснослободскому земству 558 дес. земли и предложил проект организации детского приюта и земледельческой школы. Уездное земское собрание приняло этот проект и в 1889 году ходатайствовало перед губернской управой и Министерством земледелия об открытии сельскохозяйственной школы. 10 октября 1896 года министр земледелия и государственных имуществ разрешил открыть Обороченскую низшую сельскохозяйственную школу второго разряда для подготовки специалистов сельского хозяйства с трехгодичным сроком обучения.

Для школы было выделено 138 дес. земли, сад и ряд хозяйственных построек.

Денежные средства состояли из ежегодного пособия в 1500 руб., отпускаемого Министерством земледелия, и 2000 руб., отчисляемых ежегодно из дохода обороченского имения. Все учащиеся находились на содержании экономии, учение было бесплатное.

В школу принимали детей крестьян, мещан и других сословий, преимущественно сирот в возрасте 16 лет. При поступлении требовались знания в объеме курса начальных народных училищ. В 1896 году было принято всего 10 учеников, в том числе 7 из крестьян и 3 из мещан.

Земство на своем заседании избирало заведующего сельскохозяйственной школой и хозяйством, утверждало преподавателей по специальным и общим предметам.

Занятия в школе проводились в таком плане, что уче-

ники-работники имели полную возможность основательно изучить лучшие приемы и способы ведения сельского хозяйства. Обучение проводилось в основном в поле и в мастерских под руководством заведующего школой и учителей. В свободное от полевых работ время проводилось чтение лекций и научных бесед по земледелию, скотоводству и молочному хозяйству, огородничеству, пчеловодству, садоводству и законоведению.

При школе были небольшие мастерские, где ученики-работники занимались ремонтом сельскохозяйственного инвентаря. Всем окончившим школу выдавался аттестат. Большинство из них шло на службу в агрономическую организацию земства, некоторые — в имения крупных землевладельцев.

В 1899 году состоялся первый выпуск практикантов. Было выпущено 8 учеников. Несмотря на незначительный выпуск, создание школы имело большое значение как первый опыт научной подготовки специалистов для сельского хозяйства.

До учреждения земства в уездах Мордовии были распространены исключительно примитивные сельскохозяйственные орудия: соха-ковырялка, лукошко-сеялка, деревянный цеп для ручной молотьбы зерна и др. Даже в первое десятилетие деятельности земства орудия труда у крестьян оставались те же. В 1875 году корреспондент газеты «Пензенские губернские ведомости» писал: «Взгляните, что за орудия для обработки полей у крестьян? Это — допотопная, самодельная соха (ковырялка, как называют ее сами крестьяне), кошелка-сеялка, деревянный цеп и почти все орудия эти в таком виде, в каком были 50 лет назад».[16]

В 80—90-е годы благодаря пропаганде агрономических смотрителей многие хозяйства (в основном помещики и кулачество) стали приобретать более современные орудия труда для обработки полей и уборки урожая: железные бороны, сеялки, двухконные плуги, молотилки и т. п. Так, Краснослободскому уездному агроному-смотрителю на опыте Оброченской сельскохозяйственной школы удалось доказать преимущества вспашки железным плугом, но, так как крестьяне привыкли производить вспашку сохой, продолжали ею и пользоваться. В Саранском, Спасском, Ардатовском и Краснослободском уездах уже в конце 80-х годов для боронования полей крестьяне применяли бороны с железными зубьями. Распространение тяжелых железных борон, плугов, сеялок

задерживалось бедностью крестьян, тогда как зажиточные крестьяне обзаводились более совершенными видами орудия труда еще до назначения агрономических смотрителей.

Однако надо отметить, что орудия для посева и жатвенные машины (жнейки, лобогрейки и т. п.) в уездах Мордовии насчитывались единицами — у помещиков и кулаков. Такое же положение было и с молотьбой зерна. Во всей Мордовии молотьба урожая производилась ручными цепами, кое-где применялись деревянные катки. Механическая молотьба крестьянской массе была почти неизвестна, ибо молотилки имелись только у крупных землевладельцев да в опытных образцовых хозяйствах, и то не во всех уездах. Стоимость одной молотилки доходила до 350 рублей, что слишком дорого было даже для средних крестьян, не говоря уже о бедных хозяйствах. В. И. Ленин отмечал: «Не подлежит, следовательно, никакому сомнению, что прогресс в распространении улучшенных орудий среди крестьянства... есть прогресс зажиточного крестьянства. Три пятых всего числа крестьянских дворов, безлошадные и однолошадные, почти совершенно не в состоянии пользоваться этими улучшениями».[17]

Оброченская сельскохозяйственная школа имела хорошо оборудованные мастерские и наряду с ремонтом своего сельскохозяйственного инвентаря производила ремонт орудий труда и для крестьянских хозяйств. В 1897—1900 годы школа провела ряд демонстративных опытов по борьбе с зерновыми вредителями, по обработке почв и молотьбе хлебов машинным способом. Но распространить в каком-либо количестве современные сельскохозяйственные машины удавалось очень туго. Вся причина заключалась в дороговизне техники и беднейшем состоянии крестьян.

И все же следует отметить, что пропаганда сельскохозяйственных знаний среди крестьян, создание механических мастерских по ремонту сельскохозяйственных орудий и образцовых показательных участков в области развития сельского хозяйства имели большое положительное значение. Немалая заслуга в этом принадлежит земским деятелям (так называемому «третьему элементу»), особенно агрономическим смотрителям. Но нужно отметить то, какой классовый характер носила эта пропаганда, какой части крестьянства способствовала культурническая деятельность земства, кому и какой деревне нужны были специалисты сельского хозяйства в царской России. В. И. Ленин писал: «Остановимся хотя бы на тех «интеллигентах» (??), деятельность которых прямо

относится к экономической области, на этих лесоводах, агрономах, техниках и т. д. Как в самом деле нужны эти люди в деревне! Но только **КАКОЙ** деревне?—разумеется, деревне землевладельцев, деревне хозяйственных мужичков, имеющих «сбережения» и могущих платить за услуги всем этим ремесленникам... **Эта** деревня и в самом деле давно жаждет и техников, и кредита, и товарных складов — об этом свидетельствует вся экономическая литература».[18]

Выше уже отмечалось, что с целью облегчения положения крестьян уездные земства открывали ссудно-сберегательные товарищества. Но основная часть крестьянских хозяйств не могла пользоваться их ссудами. В 1880 году в «Симбирской земской газете» была опубликована корреспонденция, где сообщалось: «Лет десять тому назад Симбирское земство признало необходимым для нуждающихся крестьян открыть при каждом уездном земстве ссудо-сберегательное товарищество. С этой целью уездным земствам стало выделяться по одной тысяче рублей денег. Эта мера давала возможность не разорять крестьянское хозяйство из-за каких-нибудь 18—20 рублей срочных платежей. Но что же вышло? Земским содействием сельские общества почти не воспользовались, а товарищества делались отличным пособием для тех же сельских ростовщиков—кулаков-мироедов...» «Все эти товарищества поставлены на коммерческую ногу и дают отличные барыши,—заявляет в заключении корреспондент газеты.—Земство подало руку коренным врагам, кровопийцам народа — кулакам! Причина все та же: благое намерение, но без надлежащего исполнения. По поводу этих товариществ поневоле вспомнишь поговорку: «благими намерениями ад вымощен!».[19]

То же самое следует сказать и о решениях земства в отношении проведения сельскохозяйственных съездов. В уставе сельскохозяйственного съезда было записано: «Оказывать содействие местному сельскому населению в усовершенствовании их хозяйств». Кому эти съезды должны были «оказывать содействие», видно из последующего текста, который раскрывает понятие «сельское население». Оказывается, что сельским населением устав считает «землевладельцев»,[20] то есть помещиков и кулаков.

Основная же масса крестьянского населения Мордовии не участвовала и не получала никакой пользы от съездов и сельскохозяйственных выставок.

В 70—80-е годы на уездных земских собраниях Мордо-

вии не раз рассматривался вопрос о введении общественных запашек в сельских общинных хозяйствах. Часть земских собраний (Саранское, Краснослободское) высказывалась за обязательность запашек. Так, в 1869 году Саранское земское собрание постановило: «Главным обеспечением в продовольствии жителей уезда может быть только общественная запашка. Никогда и никакими иными мерами невозможно достигнуть обеспечение всех крестьян продовольствием».[21] Краснослободское земское собрание в 1881 году решило: «Ходатайствовать перед правительством об издании обязательных правил, по которым все общества, имеющие не менее 3-х десятин земли на душу, обязаны отвести под общественную запашку на каждую душу не менее по 1/2 сажени (то есть по 40 квадратных саженей) с каждой десятины. Общества, владеющие менее 3-х десятин на душу, от обязательного введения общественных запашек освобождаются, но в случае добровольного учреждения ими общественных запашек они должны подчиняться всем правилам, установленным для обязательных запашек, и т. д.» [22].

Другая часть земцев обусловливала применение этой меры согласием сельских обществ (Ардатовский, Инсарский уезды)[23]. Были и такие земства, которые решительно противились введению общественных запашек (Спасский, Темниковский уезды)[24].

Особенно популярной стала идея учреждения запашек в 80-е годы. На сторону земства стали правительство и местная администрация. Так, в 1884 году пензенский губернатор А. А. Татищев в своем отчете по поводу введения в губернии общественных запашек писал: «Запашки в губернии введены в основном по моей инициативе»[25]. И здесь же перечисляет уезды, где и сколько обществ отделили земли под общественные запашки. В том числе указываются уезды Мордовии: Наровчатский — 154 сельских общества выделили 681 десятину, Саранский — 102 и 791, Краснослободский — 23 и 512 и Инсарский — 9 обществ выделили 35 десятин.

Защищая общественные запашки, правительство и большинство земцев считали их единственной возможностью «возвращения хлебных и денежных продовольственных недоимок с крестьян».[26]

Другие шли дальше и согласно взгляду симбирского земского деятеля А. Д. Пазухина считали «дать запашкам значение более широкое и распространить применение их не только на обеспечение продовольственных долгов, но и на

окладные обязательные платежи»[27]. Затем одни защитники запашек смотрели на них лишь как на средство к исправному пополнению хлебных запасов[28], другие придавали им своего рода еще и воспитательное значение. Так, в обзоре Пензенской губернии за 1882 год губернатор отмечает: «...Кроме того, общественные запашки могут принести и другую пользу, как практическая школа для молодых неопытных крестьян, отделившихся от семьи, но не умеющих иногда управлять земледельческими орудиями»[29].

На земских собраниях защитникам обязательных запашек указывалось, что у крестьян не всегда имеется в наличии земля для осуществления общественных запашек; указывалось также еще и на то, что при отсутствии надзора общественные запашки не могут быть удовлетворительными; приводился и такой довод, что названная мера «напомнит крестьянам крепостное право и вызовет противодействие». Однако земства и царское правительство в 80-е годы усиленным образом вводили общественные запашки в сельских общинах.

Введение общественных запашек крестьяне справедливо расценили как новую земскую повинность, направленную на усиление круговой поруки. В условиях малоземелья и всеобщей бедности крестьянства общественная запашка осталась как бесплодная затея и опыт насаждения сельскохозяйственных артелей, как не приносящий никакой пользы, в девятисотые годы больше уже не применялся.

В. И. Ленин, разоблачая идеи либеральных народников насчет общественных запашек, указывал: «Конечно, это — только курьезно, потому что для обобществления нужна организация производства не в пределах одной какой-нибудь деревушки, потому что для этого необходима экспроприация «живоглотов», монополизировавших средства производства и заправляющих теперешним русским общественным хозяйством. А для этого нужна борьба, борьба и борьба, а не пустяковинная мещанская мораль.

И потому подобные мероприятия обращаются у них в кроткие либеральные полумеры, прозябающие от щедрот филантропических буржуа и приносящие гораздо больше вреда отвлечением эксплуатируемых от борьбы, чем пользы от того возможного улучшения положения отдельных личностей, которое не может не быть мизерным и шатким на общей основе капиталистических отношений»[30].

Из других более или менее крупных организационных начинаний и мероприятий земства на территории Мордовии

в области сельского хозяйства в 80—90-е годы следует отметить открытие машинных складов (Саранский, Красно-слободский, Темниковский и Спасский уезды), начинания по улучшению скотоводства и другие.

В результате создания губернских и уездных складов облегчилось приобретение сельскохозяйственных машин и снизились цены на них от 10 до 25 проц. Но усовершенствованные машины из этих складов покупались, как правило, помещиками и кулаками. Так, при содействии агрономического института земледельцы Тамбовской губернии в 1894 году получили чистого барыша 4 000 рублей[31].

Земство отпускало крестьянам кредит в сумме 1/3 стоимости получаемых машин. Но эти кредиты отпускались только «надежным» крестьянам, у которых было хорошее хозяйство и, следовательно, не было опасности, что они не возвратят взятые деньги.

Таким образом, земства отпускали кредиты на покупку машин только наиболее зажиточным крестьянам: середнякам и кулакам-мироедам. Основная же масса крестьян, вносившая наравне с кулаками земские сборы, не могла воспользоваться земскими кредитами. Точно так же они были лишены возможности приобретать в земских складах и сортовые семена.

Некоторую помощь крестьянам в повышении культуры земледелия земства могли оказать путем организации издания популярных брошюр по вопросам сельского хозяйства. Однако земства Мордовии за период с 1865 по 1890 год в этом отношении ничего не сделали.

Таким образом, они в период своей более чем двадцатипятилетней деятельности не облегчили положение основной массы крестьянства. Огромное его большинство, не располагавшее средствами, оставалось в стороне от всей деятельности земства.

Таковы были основные мероприятия сельскохозяйственной деятельности земства, главным образом в отрасли полеводства.

Ветеринарное дело

До открытия земских учреждений на территории Мордовии ветеринарная помощь населению почти отсутствовала. В дореволюционное время в каждой губернии был всего один ветеринарный врач. Он состоял при палате государ-

ственных имуществ, транспортом не обеспечивался, жил в губернском городе[32].

Безусловно, одному врачу обслуживать такую большую территорию, как целая губерния, было очень трудно, поэтому на практике зачастую ветврачам приходилось в дальних концах губернии только констатировать минувшую эпизоотию. Пока сообщали врачу, пока ехал он до волости, эпизоотия делала свое дело, уносила беспрепятственно неопределенное количество жертв, и население узнавало только по приезду ветеринара, что в губернии есть врач и что, если бы он вовремя подоспел, то мог спасти многих животных.

В первые годы деятельности земства в Мордовии ветеринарная работа на селе также была поставлена плохо. В 60-е годы земские управы мало уделяли внимания организации ветеринарной помощи населению. В эти годы в уездах еще не было ни ветврачей, ни ветеринарных фельдшеров. На земских собраниях вопросы по подготовке ветеринарных работников обсуждались редко, практических действий не проводилось, борьбе по ликвидации заразных болезней придавали мало значения. В 1869 году, например, пензенский губернский ветеринарный врач Фабер предлагал Краснослободскому уездному земскому собранию в целях улучшения ветеринарного дела обучить двух крестьянских мальчиков за плату 300 рублей.

Однако земское собрание, рассматривавшее вопрос о борьбе с эпизоотией в уезде, оставило предложение Фабера без внимания, сославшись на высокую плату за обучение и на то, что эта мера «совершенно не сообразна с крестьянским воспитанием»[33].

В 1872 году Краснослободское уездное земство вновь вынуждено было рассмотреть вопрос о борьбе с эпизоотией, так как падеж скота в уезде оставался очень высоким: только за два последних года пало 4365 голов скота[34]. Собрание высказалось за принятие «рациональных мер против дальнейшего развития эпизоотий», но практических действий по улучшению ветеринарного дела и на этот раз не было принято. Такое же положение было и в других уездах Мордовии. Так, в 1870 году в четырех уездах—Саранском, Инсарском, Краснослободском и Наровчатском — из 2195 голов заболевшего скота пало 1220 голов, то есть более 50 проц.[35].

В 70-е годы земства, видя, какие разорительные последствия для сельского хозяйства дают часто повторяющиеся эпизоотии, особенно заразная болезнь чума, стали пригла-

шать на свою службу ветеринарных врачей и ветфельдшеров. В это время во многих уездах Мордовии были учреждены должности ветеринарных работников. Например, в 1879 году в Ардатовском уезде было два ветфельдшера, Краснослободском, Инсарском, Саранском и Темниковском — по одному[36].

Однако попытки введения уездных земских ветврачей и ветфельдшеров в 70-е годы не приносили никаких существенных результатов. Должности ветеринаров хотя и утверждались многими земствами, но обыкновенно быстро упразднялись, а падеж скота с каждым годом увеличивался. Так, в Саранском уезде земское собрание в 1875 году при обсуждении многочисленных случаев падежа крупного рогатого скота отметило, что «эпизоотия ежегодно уносит десятки сотен и тысяч жертв»[37]. Земцы совершенно правильно указывали на причины и пути распространения эпизоотий и эпидемий и констатировали, что сельское и волостное начальство иногда являлось непосредственным виновником распространения заразы, поскольку оно сквозь пальцы смотрело на то, что павший скот не зарывался в землю, а выбрасывался в овраги. Весной загнившее мясо и кости полой водой уносились в реки, заражали воду, которую пили люди и скот.

Таким образом, антисанитарное состояние населенных мест, пастбищ, отсутствие своевременной ветеринарной помощи и профилактической работы, а также безответственное отношение к своим обязанностям местной власти и ветеринарного персонала являлись главными причинами эпизоотий и эпидемий, которые ежегодно причиняли населению огромный ущерб.

Министерство внутренних дел еще в 1871 году предложило приступить к введению полицейской меры убивания зачумленных животных с выдачей владельцам за них денежного вознаграждения.

Губернские земские собрания (Пензенское, Симбирское и Тамбовское), обсудив предложение Министерства внутренних дел, в 1871—1872 годы пришли к заключению, что при все более распространяющихся падежах рогатого скота, принявших в последнее время характер народного бедствия, необходимо начать энергичные меры борьбы не только с чумой, но и со всеми повальными болезнями.

3 июня 1879 года правительство издало закон, в котором установлена мера обязательного убивания зачумленного и подозреваемого в зачумлении скота с выдачею вознагражде-

ния владельцам за убитого животного. Закон также предоставлял земствам право вводить особый сбор со скотовладельцев, размер которого не должен превышать 1,5 проц. с убиваемого животного.

Закон от 3 июня 1879 года сначала был введен в 12 губерниях России, в том числе Пензенской, Тамбовской и Симбирской, а с 1888 года он распространен и на все остальные губернии[38].

Симбирское губернское земское собрание в 1884 году, обсуждая закон от 3 июля 1879 года, постановило, что «борьба с чумой должна быть сосредоточена в руках губернской управы» и признало необходимым «иметь в губернии по одному ветеринарному врачу на уезд»[39].

Пензенское земское собрание в 1886 году, согласно новому закону, определило иметь в губернии четырех ветеринарных врачей и вменило в их обязанности борьбу с ликвидацией чумы, так как чума по своей губительности оставляла далеко позади все остальные болезни. В связи с этим губерния была разделена на четыре ветеринарных участка. Саранский и Инсарский уезды Мордовии вошли в состав второго участка, а Краснослободский и Наровчатский —в третий участок[40]. При каждом уезде был определен ветеринарный фельдшер. В постановлении собрания также было записано, что в случае усиления эпизоотии в одном каком-нибудь участке может быть командирован туда на помощь ветеринарный персонал с других участков.

Со второй половины 80-х годов в селах были учреждены должности «чумных агентов», «надсмотрщиков», «стражников» и других для надзора за уничтожением зачумленного скота и за передвижением гуртов животных, прогоняемых через уезды.

На уездных земских собраниях Мордовии в 80-е годы был решен вопрос о бесплатном разъезде на земских лошадях ветеринарных врачей и ветфельдшеров[41].

Таким образом, закон от 3 июня 1879 года является как бы мерой постоянной организации земской ветеринарии в России.

Выше мы уже отмечали, что с 1879 года пензенским земством был введен особый сбор со скотовладельцев, размер которого составлял не более 1,5 проц. с убитого животного, а в 1887 году установлена специальная оценка сбора: высший — в размере 60 руб. за одну голову скота в возрасте от года, нормальный — в 20 руб.[42].

Многие сельские общества Мордовии взимание сбора со скота встретили с большим возмущением, ибо крестьяне к определениям ветеринарных врачей, от чего пало животное, относились с крайним недоверием. В 1889 году Пензенская губернская управа докладывала земскому собранию, что «большинство скотовладельцев, хотя уплатили за минувший год причитающийся с них сбор за содержание скота, но в дальнейшем будут категорически отказываться от уплаты».[43]

Дело в том, что крестьяне не только с недоверием относились к заключениям ветеринарных работников, но считали этот сбор еще и обременительным. Были случаи, когда целые сельские общества не только уклонялись от платежа его, но даже не допускали волостное начальство к описи скота. Так, в Краснослободском уезде насчитывалось более 160 обществ, уклоняющихся от сбора. Такие явления были и в Наровчатском уезде[44].

Несочувствие населения к процентному сбору, установленному на расходы по принятии мер к прекращению чумы, вызвало ходатайства некоторых уездных земских собраний о превращении этого сбора в страховой. Так, саранское земство находило полезным введение страхования скота от всякой смертности. Краснослободское земское собрание возбудило ходатайство перед губернским земством о выдаче вознаграждений владельцам скота не только за рогатый скот, павший от чумы, но и от других болезней. На основании этих данных пензенское земство чуть ли не первое из земств в России поставило вопрос перед министром внутренних дел об утверждении добровольного страхования крупного рогатого скота не только от одних заразных болезней, но и от всех случаев гибели животных. В 1889 году Министерство внутренних дел предложение это приняло. Размер нормальной оценки на первые три года был установлен следующий: для скота от одного до двух лет—5 руб., от двух до пятнадцати—15 руб. Высший предел специальной оценки для скота всех страховых возрастов определен в 75 руб., а размер страхового сбора на 1889 год—в 3 проц. с оценкой застрахованного скота.

С введением добровольного страхования скота Пензенское губернское земское собрание в конце 1889 года определило увеличить число ветеринарных врачей в губернии с четырех до семи и разделило губернию на 7 участков. Краснослободский уезд с присоединением Саловской волости Инсарского уезда вошел во второй участок, Саранский уезд с присоединением к нему третьего стана Инсарского уезда —

в третий, остальные волости Инсарского уезда вошли в четвертый и Наровчатский уезд вошел в состав 7-го участка.

Земское собрание вменило в обязанность участковых ветеринарных врачей постоянно следить за состоянием здоровья скота, принимать меры к его выздоровлению, а также, в случае надобности, производить и проверять оценку скота.

Однако все вышеперечисленные мероприятия, проводимые земскими учреждениями, были недостаточными для ликвидации заразных болезней. Многие решения земских собраний оставались на бумаге, не находили применения в жизни. Вследствие чего и в 80-е годы в уездах Мордовии часто свирепствовала эпизоотия. Так, в Саранском уезде эпидемия чумы за последние четыре года (с 1886 г.) отмечалась три раза, а сибирской язвы существовала постоянно.[45] В Краснослободском уезде только за шесть месяцев 1890 года от сапа и сибирской язвы пало 400 голов лошадей и 210 коров.[46] Такое же положение было и в других уездах. В 1890 году Симбирское губернское земское собрание констатировало, что в губернии только от одной заразной болезни — сибирской язвы смертность у овец доходит до 60 проц., у крупного рогатого скота до 78 проц. и у лошадей до 48 проц.[47].

Таким образом, в 60—70-е годы XIX века мероприятия земских учреждений в области ветеринарного дела были незначительными и практического значения почти не имели.

Начиная с середины 80-х годов земство на территории Мордовии стало проводить более или менее правильную организацию ветеринарной медицины. В каждом уезде была утверждена должность земского ветеринарного врача и ветфельдшера. Ветеринарные работники не только боролись с заразными болезнями, но и оказывали лечебную помощь. С момента учреждения постоянного штата ветврачей и фельдшеров началось постоянное ознакомление населения с практическим результатом применения в жизни специальных ветеринарных знаний, повысилась польза от этих знаний. Для успешной борьбы с эпизоотиями села и волости были разбиты на участки, стали создаваться комиссии. Земские управы стали уделять значительное внимание санитарному состоянию населенных пунктов, выделять особые места для погребения павших животных, требовать тщательной дезинфекции дворов и помещений, где раньше размещался зачумленный скот, обращать серьезное внимание на страхование животных.

Деятельность уездных и губернских земств за это время

выразилась в составлении различных обязательных постановлений по борьбе с заразными болезнями, с установлением выдачи вознаграждения за убиваемых лошадей при сапе, крупного рогатого скота при чуме, повальном воспалении легких и туберкулезе, за убиваемых животных при бешенстве, за павших от сибирской язвы после прививок, за уничтожение шкур животных, павших от чумы и сибирской язвы. В конце 80-х годов стали создаваться лечебницы и амбулатории, увеличиваются расходы на ветеринарную часть. К сожалению, цифровые данные о расходах на ветеринарное дело обнаружены только с 1895 года. Земские ветеринарные врачи и ветфельдшеры в 80-х годах провели большую работу по ликвидации чумы. Борьба эта была очень тяжелая. В деревнях была страшная паника. Скот падал сотнями и тысячами. Так называемый «мор» охватывал большие территории, вымирал почти весь крупный рогатый скот, не обладавший естественным иммунитетом. Благодаря энергичным мерам земских ветеринарных работников в 80—90-е годы и обязательным постановлениям земских собраний по борьбе с чумой страшная заразная болезнь была ликвидирована.

Однако в деятельности земских учреждений в 80-е годы был ряд существенных недостатков. Земство еще мало уделяло внимания подготовке кадров, передаче лучшего опыта по развитию животноводства, борьбе по ликвидации различных заразных заболеваний. В уездах было еще недостаточное количество ветеринарных работников. На территории Мордовии, например, на одного ветврача приходилось более 100 населенных пунктов и свыше 2000 квадратных верст, тогда как для нормальной работы ветеринарного пункта расположение его от сел не должно превышать 10—15 верст.[48] Значительная часть населения Мордовии ветеринарной помощью пользовалась лишь в минимальных размерах, большая оставалась без всякой помощи. В селах и волостях «чумовые агенты», «надсмотрщики» и «стражники» были единственными представителями земской ветеринарной организации, так как надзор одного-двух врачей и стольких же фельдшеров при земской управе являлся чаще всего фиктивным. Расходы на ветеринарную часть были случайными и на счеты расходов не заносились, лишь в случае эпизоотии открывался кредит.

Земство не проявляло заботу о строительстве помещений под лечебницы и амбулатории. Прием и лечение больных животных, как обычно, проводились под открытым небом. Сре-

ди населения очень слабо была поставлена живая разъяснительная работа по ветеринарной медицине.

Итак, деятельность земства Мордовии в развитии ветеринарной медицины в 60-е годы заполнена выяснениями состояния ветеринарной части в уездах к моменту введения земских учреждений. В 70-е годы наблюдается некоторое оживление. Оно характеризуется утверждением временных уездных ветеринарных врачей и фельдшеров, организацией случных пунктов и выставок лошадей и т. п. 80-е годы — время зарождения ветеринарной организации, более или менее систематической, и время концентрации внимания земства на борьбу с чумной эпизоотией. По мере ослабления этой последней на сцену выдвигаются другие задачи: ставится на очередь борьба с другими эпизоотиями, прежде всего с сапом и сибирской язвой.

Такова основная деятельность земства на территории Мордовии в области ветеринарного дела за 1865—1890 годы.

---

1 **Н. Евграфов.** Двадцатипятилетняя деятельность Пензенского земства, 1865—1889 гг. Пенза, 1894, стр. 9—10.

2 Памятная книжка Пензенской губернии. Пенза, 1884, стр. 71.

3 «Пензенские губернские ведомости», 1873, № 85.

4 Там же, №№ 76 и 135.

5 ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 8064, л. 53.

6 «Пензенские губернские ведомости», 1874, № 36, 59.

7 Там же.

8 Там же, 1881 г., № 167.

9 ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 8167, лл. 32—34.

10 Там же.

11 «Пензенские губернские ведомости», 1877, № 23.

12 Там же, 1886 г. № 55.

13 ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 8171. л, 14.

14 Там же, д. 8250, л. 22.

15 Отчет Краснослободской земской управы за 1896 год. Краснослободск, 1897, стр. 2.

16 «Пензенские губернские ведомости», 1875, № 51.

17 **В. И. Ленин.** Полн. собр. соч., т. 17, стр. 105.

18 **В. И. Ленин.** Полн. собр. соч., т. 1, стр. 259.

19 «Симбирская земская газета», 1880, № 216.

20 «Пензенские губернские ведомости», 1873, № 76.

21 ГАПО, ф. 5., оп. 1, д. 8027, л. 36.

22 Там же, д. 8204, лл. 28—29.

23 **Г. П. Сазонов.** Обзор деятельности земств по народному продовольствию (1865—1892 гг.), т. II. СПб., 1893, стр. 308.

24 Там же, стр. 265—266 и 309.

25 ЦГИА, ф. 1284, оп. 228, д. 88, лл. 24—26.

26 ГАПО, ф. 5, оп. 1, 8146, л. 126, д. 8254, л. 8. ЦГИА, ф. 1284, оп. 223, д. 205, л. 7.

[27] **Г. П. Сазонов.** Обзор деятельности земств по народному продовольствию (1865—1892 гг.), т. II. СПб., 1899, стр. 276.

[28] Доклад Симбирской губернской земской управы губернскому земскому собранию об общественных запашках. Симбирск, 1891, стр. 12—16.

[29] ЦГИА, ф. 1284, оп. 223, д. 88, лл. 24—26.

[30] **В. И. Ленин.** Полн. собр. соч., т. 1, стр. 244.

[31] **Г. П. Сазонов.** Обзор деятельности земств по сельскому хозяйству (1865—1895 гг.), т. III. СПб., 1896, стр. 219.

[32] **Н. Евграфов.** Двадцатипятилетняя деятельность Пензенского земства, 1865—1884 гг. Пенза, 1894, стр. 337—338.

[33] ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 8031, л. 26.

[34] Там же, д. 8053, л. 3.

[35] Памятная книжка Пензенской губернии за 1870 год. Пенза, 1871 г. стр. 69.

[36] **Н. Евграфов.** Указан. работа, стр. 338; Б. **Б. Веселовский.** История земства за 40 лет, т. II СПб., 1909, стр. 382—383; «Симбирская земская газета», 1880, № 200.

[37] ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 8069.

[38] **Б. Б. Веселовский.** Указан. работа, стр. 362.

[39] Юбилейный сборник Симбирского губернского земства, 1864—1914 гг., Симбирск, 1914, стр. 41.

[40] ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 8218, л. 48; д. 8227, л. 37.

[41] ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 8235, л. 73; д. 8248, л. 39.

[42] **Б. Б. Веселовский.** Указан. работа, стр. 364.

[43] **Н. Евграфов.** Указан. работа, стр. 343.

[44] Там же, стр. 344.

[45] ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 8228, л. 58.

[46] Там же, д. 8243, л. 123.

[47] Годичный отчет о ходе повально-заразительных болезней на домашних животных в Симбирской губернии. Симбирск, 1890, стр. 3.

[48] Юбилейный сборник Симбирского губернского земства, 1864—1914 гг. Симбирск, 1914, стр. 49.

Н. В. Заварюхин

МОРДОВСКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО ТЕМНИКОВСКОГО УЕЗДА В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XVII—НАЧАЛЕ XVIII в.

(По переписным и писцовым книгам)

История темниковской мордвы конца XVII и начала XVIII в., в отличие от алатырской и арзамасской[1], почти не нашла отражение в исторической литературе. Это объясняется в значительной части тем, что о темниковской мордве этого периода сохранилось мало документов. К тому же часть из них содержит отрывочные сведения, а часть еще не выявлена и не введена в научный оборот.

Использованные нами архивные материалы, главным образом переписные книги,[2] содержат сведения о населенных пунктах, количестве дворов мордовского населения, однако, в этих документах очень мало данных о землевладении и податном обложении мордвы.

Поскольку настоящая статья основана на новом архивном материале, дадим краткую характеристику его.

После подавления крестьянской войны под предводительством С. Т. Разина царское правительство проводило в районах, которые были охвачены восстанием, перепись населения. Главная ее цель—учет наличия тяглых дворов. Во время переписи 1678 года стольник Андрей Никитич Самарин и подъячий Афанасий Зворыкин заполнили три переписные книги.[3] Первая из них (№ 6455) включает Темниковский посад, вторая (№ 6456)—мордовское население уезда и третья (№ 6457)—поместные и вотчинные села и деревни уезда.

Ценность переписной книги № 6456 «Дворов и людей мордовских деревень в станах Подгородном, Пичеполонском и

Оксельском» несколько снижается тем, что в ней имеются итоговые данные лишь по Подгородному стану. Кроме того, как отметил А. А. Гераклитов, отсутствует конец книги, «судя по скрепе—по крайней мере 3 листа».[4] Нужно также заметить, что в этой переписной книге учтено только мужское население.

Вторым важнейшим источником является подлинная писцовая книга Темниковского уезда, составленная в 1686 году писцом Дмитрием Максимовичем Полочаниновым и подъячим Онанием Немцовым.[5] Она включает «Письмо и меру и межевание» указанных трех станов, «мордву и бортников и посопных крестьян». К сожалению, книга имеет крупные дефекты: много листов вырвано, утрачен ее конец, составляющий большую часть описания.[6] Но и те немногие сохранившиеся листы позволяют отметить большую населенность уезда по сравнению с 1624 годом.

Первостепенное значение для исследования характера и направления изменений в мордовской деревне Темниковского уезда за последнюю треть XVII и первое десятилетие XVIII в. имеет ландратская книга, составленная подполковником и ландратом Степаном Константиновичем Крюковым. Эта книга «Ясашным из мордвы новокрещенским и мордовским и служилым из мордвы же новокрещенским и мордовским жилым и прибылым и убылым дворам» и «людей обеих мужеска и женска пола»[7] уже самим названием отражает изменения, происшедшие после составления переписных книг 1678 года. Как известно, ландратская перепись 1716 года проводилась через 4 года после переписи 1712 года с единственной целью—выявить из «укрывательства» и включить в тягло население и дворы, которые не попали в предшествующую перепись. В ней имеются сведения о количестве мордовских ясачных дворов по переписи 1678 года.

Следующий документ — дело по указу из приказа Большого дворца управителю Темниковских дворцовых волостей Ивану Афанасьеву от 4 мая 1725 года «О крестьянских тяглах и кто на каком тягле», сколько «на себя земли десятин или четвертей пашут» и «податей как государственных так и дворцовых платят».[8] Документы этого дела ценны тем, что наряду с указанием количества дворов и мужских душ в них содержатся сведения о фактическом количестве пашни у каждого двора и ее распределение между деревнями. Однако отсутствие данных о количестве сенокосных угодий не дает возможности нарисовать полную картину землевладения

у мордвы в рассматриваемый период. Незаменимым источником для дополнения картины экономического и правового положения являются дела о высылке работных людей в разные места, о чрезвычайных денежных и натуральных сборах, наряд учета окладных и неокладных денежных поступлений за 1714—1716 годы, книги учета домашних «пчелиных заводов» и оброчных мельниц, а также челобитные, охватывающие разные стороны жизни мордовской крестьянской общины.[9] По мере необходимости нами привлекались документы и сведения, опубликованные в «Известиях» Тамбовской ученой архивной комиссии, «Записках» и других изданиях Мордовского научно-исследовательского института.

Расположенный в бассейне реки Мокши Темниковский уезд занимал большую территорию и был создан сразу же после завоевания Казани. В начале XVII в. правительство проводит ряд мер, направленных на упорядочение управления новыми территориями, и в 20-х годах осуществляет составление новых писцовых книг по уезду. Их целью было не только описание пашенных земель и угодий, но и учет населения и тяглых дворов.

Вскоре после составления переписных книг из состава Темниковского уезда и частично за счет территории соседних уездов были образованы Саранский и Инсарский уезды, а также Троицкий, Наровчатский и Краснослободский дворцовые волости. А во время переписи населения в 1678 году, кроме учета тяглых дворов, окончательно определялось распределение населения по присудам.

Темниковский уезд в конце XVII—начале XVIII в. занимал целиком территории современного Темниковского, Атюрьевского, Ельниковского, Торбеевского, частично Ковылкинского, Краснослободского, Теньгушевского районов Мордовской АССР.

Внутреннее административное устройство уезда было таким же, как и у всех русских уездов, где проживало мордовское население. Сложившееся к 80-м годам XVII столетия административное устройство Темниковского уезда (4 стана) сохранилось без существенных изменений и в первой четверти XVIII в.[10]

По переписной книге 1678 года (кн. 6456) мордовское население уезда указано в трех станах: Подгородном, Пичеполонском и Оксельском, а русское—в указанных станах и в Верхомокшанском (кн. 6457).

Если в территориальном отношении для русского и мор-

довского населения уезд был разделен на 4 стана без учета национальных особенностей, то в податном—он делился как бы на два уезда. Русское крепостное население платило налоги и подчинялось непосредственно воеводской канцелярии, а мордовское—дворцовому управителю. Вся верховная власть в уезде принадлежала воеводе, которому подчинялся и дворцовый управитель. Следовательно, деление уезда на станы, а населения на две податные группы служило фискальным целям царского правительства и отчетливо показывало, что оно абсолютно не считалось с национальными интересами народов Поволжья. Компактность расселения мордвы нарушалась в результате захвата его земель русскими помещиками и ростом числа деревень русских крепостных крестьян[11].

В последней трети XVII в., как и в первой четверти XVIII в., национальный состав населения уезда был довольно пестрым. Здесь проживали русские, мордва, татары.

Попытку определить численность мордовского населения Темниковского уезда предпринимал еще А. А. Гераклитов.[12] При этом он исходил из того, что двор в XVII в. включал не одну, а две и даже три семьи и приводил конкретные примеры в подтверждение указанного положения. На основании этого Гераклитов пришел к выводу, что на мордовский двор приходилось около 10 человек обоего пола и что мордовское население уезда составляло 6,5—7 тыс. человек. Однако эти данные, на наш взгляд, вызывают возражение. На самом деле по материалам переписной книги 1678 года средняя численность мордовского двора определяется примерно в 7 человек.[13] Следовательно, на зарегистрированные переписью 674 тяглых мордовских двора приходилось примерно 4700 человек обоего пола, которые составляли 24 проц. всего населения уезда. И, как правильно отмечал А. А. Гераклитов, «мордва в Темниковском уезде, хотя и составляла весьма значительный процент населения, была все же в меньшинстве». В первой четверти XVIII в. процентное отношение мордвы ко всему населению уезда продолжало уменьшаться. В 1721 году из 19817 душ мужского пола всего населения уезда его было 3173 души, или 16,1 проц.[14]

Приведенные данные показывают, что указанные станы как по количеству деревень, так и дворов в них были различны.

Рассмотрим картину распределения мордовских населенных пунктов и дворов в станах по переписной книге 1678 года

Таблица 1[15]

Стан	Число деревень	В них дворов								
		всего	в том числе							
			Тяглых				Нетяглых			
			всего	Из них			всего	Из них		пустых
				вдовьих	новокрещ.	пришлых		солдатских	белопашцев	
Подгородный	8	184	157	39	1	2	4	4	—	23
Пичеполонский	9	368	336	26	32	—	—	—	—	32
Оксельский	15	199	181	33	—	—	13	6	7	5
Всего	32	751	674	98	33	2	17	10	7	60

Кроме того, следует отметить, что в последней четверти XVII в. мордовские деревни были несколько крупнее, чем в первой четверти XVIII в. Но и в это время самая большая мордовская деревня имела лишь 86 дворов (деревня Атюрево Пичеполонского стáна), а по численности населения самой большой деревней была деревня Чотово, где жило 199 человек мужского пола. Рядом с этими довольно крупными деревнями были и совсем маленькие. Так, в деревне Тустатова (Васильев Стан тож) имелось лишь 4 двора.[16] Наиболее мелкими были деревни Оксельского стана, имевшие в среднем по 13 дворов.

Обращает на себя внимание большое количество вдовьих и пустых дворов в мордовских деревнях уезда, которые составляли соответственно 16,1 проц. и 7,9 проц. Совершенно очевидно, что столь высокий процент не может быть объяснен только смертностью мужского населения. К сожалению, в переписной книге почти отсутствуют указания на этот счет, но заслуживает внимания то обстоятельство, что наибольший процент таких дворов приходится на Подгородный стан, где вдовьи дома составляли 24,2 проц., а пустые — 12,5 проц. Есть все основания считать, что это связано с крестьянской войной под предводительством С. Разина. Подтверждением этого предложения являются некоторые сведения переписной книги 1678 года. Так, о дворе Качека Киорина в деревне Цыбаево записано: «а он, Качек, в бунте воровских казаков убит», о дворе Васки Калганина в деревне Кишал сказано:

«Васка в прошлом 179 году в бунте воровских казаков пропал безвестно». Добавим к этому, что 14 дворов в уезде запустели, так как их владельцы бежали «неведомо куда». А запустение ряда дворов связано с тем, что их хозяева окончательно разорились и подобно Покушайке Чаташеву «кормятся по миру».[17]

Аналогичное явление наблюдалось и в русских деревнях. В переписной книге (6457) отмечен 141 пустой двор, часть хозяев которых сбежала, а часть собирала подаяние, т. е. были нищими.[18]

Наличие 33 дворов новокрещенных в уезде говорит о том, что результаты политики царизма и церкви в этом направлении в конце XVII в. были весьма скромными, что основная масса мордвы активно сопротивлялась христианизации и сохраняла старую религию.

Указанные в таблице семь дворов белопашцев, составляющих 0,9 проц. всех мордовских дворов, тягла не несли, но выполняли отдельные повинности. Как отмечалось в переписной книге, белопашцы «помогают службе той служилой мордве, а податей не платят».[19]

Сложнее обстояло с солдатскими дворами, которых было несколько больше дворов белопашцев. Одни из них «никаких податей с ними, мордвою, не платят» и «во всяких великого государя податях и ясаке им, мордве, не подмогают». Другие, как Мелешка Худяков и его брат Ивашка, «подати и ясаку платят в подмоги той же Кораевской мордве», как Куземелька Лемдянов «службу служит и подати платит с ними, мордвою, вместе».[20]

Наконец, необходимо отметить сложность положения пришлых дворов. Об этом красноречиво говорят записи о дворе Тохташки Келганина, который «от скудости своей из Керенского уезда из деревни с Очадовы» перешел жить в деревню Чотово Темниковского уезда «тому ныне лет шесть». На старом месте остались его родные, поэтому он «подати великого государя куничные и ясачные деньги и медвяной оброк платит против старого жеребья в Керенском уезде с Очадовскою мордвою», а на новом «в земляном оброке подмогает деревне Чотовой мордве». Аналогичное положение было и у крестьянина этой же деревни Жданки Васильева с тою разницей, что на старом месте все подати за него платили его родные.[21] Положение пришлых дворов в огромной степени зависело от той общины, которая их принимала и определяла их участие в несении тягла.

Экономическое и правовое положение мордовской ясачной деревни в последней трети XVII—первой четверти XVIII в. характеризуется как дальнейшим ростом тягла и разного рода повинностей, так и все большим втягиванием ясачной мордвы в сферу феодальной эксплуатации.

Как известно, в эпоху феодализма основным средством производства являлась земля с ее лесами, реками, озерами, лугами и полями. Для мордвы Темниковского уезда вследствие передачи ее земель сначала служилым татарским мурзам, а с конца XVII в. в большом размере и русским помещикам, сузился простор хозяйственной деятельности. Прежде всего стали приходить в упадок бортничество и охота, игравшие немалую роль в хозяйстве мордовской семьи. Одновременно с этим все большее значение приобретало земледелие. Мордовское население интенсивно осваивало новые земли под пашню. В поля превращались ровные участки лугов, раскорчевывались и выжигались леса.

Каждое мордовское поселение имело свой земельный фонд и пользовалось определенным комплексом земельных угодий. Пашня, измеряемая четвертями, была основной категорией земельного фонда. В конце XVII—начале XVIII в. в Темниковском уезде господствовала трехпольно-паровая система. Земля по писцовой книге 1624 года оценивалась по ее качеству: «добрая», «средняя», «худая». По писцовой книге 1686 года она уже указывается или как «росчисная» или «посопная», т. е. оцениваемая с точки зрения несения тягла.[22]

Близким к пашне по своему состоянию был перелог, который мог появиться «по чисто агрономическим причинам», т. е. вследствие истощения почвы.[23] Прямых указаний на существование перелога в Темниковском уезде в рассматриваемое время мы не встречаем, но указания на то, что пашня «поросла лесом» свидетельствуют, что часть пашни забрасывалась и заменялась вновь расчищенной землей. Так, в деревне Кенгуж (Цыбаево тож) в выписках с писцовых книг 1624 года указано пашни 29 четей в одном поле, да за мордвой этой же деревни «за Армякою Аляминым с товарищи за Чижиковскими воротами по обе стороны Бегишева врага посопной земли по выписи с писцовых книг Степана Хрущова с товарищи 132 году за скрепою дьяка Ивана Грязева четыре чети в поле, а в дву потомуж». Следовательно, всей пахотной земли у этой деревни в трех полях было 99 четей (49,5 дес.). В 1686 году «недомерено земли против писцовых книг девятнадцать чети потому, что лесом поросло». Пашни

у этой деревни, где было 10 дворов, оставалось только 42 чети (21 дес.), да сверх этого «у мордвы у Налйтки Малышева с товарищи росчисной земли ис защищенного лесу пять четь в поле, а в дву потомуж... а росчистили они мордва тою землю в вотчинном своем лесу в бортном ухожье».[24]

Пашня всей деревни в 1686 году составляла в трех полях 57 четвертей (28,5 дес.). На один двор приходилось 5,7 чети, или 2,85 десятины пахотной земли. За 65 лет (с 1621 по 1686 год) количество пашни этой деревни уменьшилось на 42 чети, а 15 четвертей из 57 были заменены вновь расчищенной землей.

Кроме пашни, в составе земельного фонда мордовских деревень были леса. Лес делился на лес пашенный и лес большой, т. е. непашенный. Лес, как отмечает И. В. Левочкин, был спутником пашни; «он придавался к полям, к пашне с тем, очевидно, чтобы в определенный момент самому стать полем, засеянным хлебом»[25], или превратиться в сенокосные угодья.

Данные писцовой книги 1686 года свидетельствуют о резком увеличении площадей сенокосных лугов за счет вырубки леса. В вышеуказанной деревне, по писцовой выписке, было «по речке Ломовке 100 копен», да «сверх писцовых книг прибыло сенных покосов 100 копен, расчистили вновь из вотчинного своего лесу». К 1686 году эта деревня имела всего сенокосов на 210 копен. Значительные участки новых сенокосов показаны также в деревне Сиялей—100 копен, в деревне Авкиманово—150 копен, в деревне Конаково—200 копен.[26] Отдельные деревни владели еще и оброчными сенокосными угодьями. Указанная деревня Конаково имела «по реке Мокше и меж озер и по дубравам и по займищам оброчные сенные покосы по оброчным книгам 500 копен». Всего деревня имела оброчных, вновь расчищенных и данных по выписям 720 копен.[27]

Размер вновь освоенных земель под сенокос на один двор в разных деревнях был неодинаков. Так, в деревнях Конаково на один двор падало 55,3 копны, Сиялы—33,3 копны, в Борки, что «подле речки Шуваксерки»,—6,3 копны. Основное количество земель под сенокосы появилось за счет сокращения территории, занятой лесами, и гораздо реже за счет пастбищ.[28] Пастбища в конце XVII в. для каждой мордовской деревни имели такое же значение, как пашня и сенокосные угодья. Одной из главных задач писцов в 1686 году было описание и установление границ «животинного выпуску». С опи-

санием и установлением границ пастбищ окончательно определились земельные владения мордовских деревень, состоящие из пашни, сенокосов, лесов и пастбищ. В первой четверти XVIII в. ведущей отраслью хозяйства мордвы Темниковского уезда было пашенное земледелие. По материалам переписи 1725 года, в трех мордовских станах 201 жилой тяглый двор пахал 2288 четвертей в поле, «а в дву потомуж».[29] Всего 43 мордовским деревням в 1725 году принадлежало 3422 дес. пахотной земли. На один двор падало в среднем 17,1 дес. пашни, а на одного человека мужского пола—2,3 дес. Однако не все тяглые дворы владели одинаковым количеством пашни. Двор Вешняка Рузаева, например, владел 9 дес., а двор Вешка Адушева из этой же деревни Конаково только 4,5 дес. пашни.[30] В деревне Барашево 4 двора имели по 15 дес. «своей земли», а в деревне Атюрево 16 дворов владели 18 дес. каждый. 3 двора из 4 в деревне Старая Пичеморга и 2 двора из 3 в деревне Новая Пичеморга пашут по 30 дес. пашни. Самое большое количество пашни на один двор падало в деревне Маскяне, где 4 двора владели 37,5 дес. каждый.[31]

Приведенные примеры свидетельствуют о резком неравенстве дворов в обеспеченности пахотной землей. Так, из 201 тяглового двора имели пашни: 14,8 проц.—от 4,5 до 6 дес., 62,3 проц.—от 7 до 25 дес., 22,9 проц.—более 25 дес. каждый.[32] К этому следует добавить, что мордовские деревни так же, как и дворы, имели разное количество пашни. На одну деревню в среднем приходилось 79,8 дес. земли. Только 14 деревень уезда имели земли больше среднего показателя. Среди них по своим размерам пахотных площадей выделялись деревни: Ардашевская Выставка—202,5 дес., Атюрево—288 дес., Чотово—240 дес., Пячигуши и Потякши—150 дес.[33]

Большинство же деревень (29 из 43) имели пашни меньше 80 дес. Крохотными участками пахотной земли владели вновь образовавшиеся деревни. Так, деревня Куштаев Починок (Потьма тож) имела только 9 дес., деревня Тремасово Починок (Бриловка тож)—15 дес.[34]

Относительно высокими показателями обеспеченности землей мордовского двора (20,4 дес.) и деревни (104,8 дес.) в Темниковском уезде выделялся Пичеполонский стан, а это свидетельствует о том, что мордва этого стана удерживала за собой землю.[35] Меньше всего имелось пахотной земли в Подгородном стане—53,4 дес. на деревню и 12 дес. на двор. Это намного меньше средних показателей по уезду. Поэтому в стане, особенно после введения подушного обложения, уча-

стились столкновения жителей мордовских деревень с помещиками и между собой из-за сельскохозяйственных угодий. Об этом красноречиво свидетельствуют многочисленные челобитные. Так, мордва деревни Мельсян жаловалась на помещика Сеита мурзу Уразова, который «с братьею» сделал попытку «завладеть посопною землею мордвы, засеянной их хлебом в количестве 40 дес.»[36] Мордва деревни Барашево Любимка Маляшев «с товарищи» жалуется на мордву деревни Цыбаево, которая, «оставя свою крепостную межу», «отгородили... пашню паханную сеянные ныне нашим хлебом, метали они навос и делают по то нашу земле и по оржаному хлебу дорогу...» 8 июня 1719 года подъячий Матвей Анферов и солдат Михаил Астраханцев были на осмотре «потолоченного посеянного хлеба». Они подтвердили факт захвата земли «загонных пять концов по мере по сажени конец».[37]

В некоторых случаях в эти столкновения втягивалась целая группа мордовских деревень и дело между ними нередко доходило до драк. Вот несколько характерных примеров. Сатяшка Маскаев от имени всей мордвы деревни Ардашевска Выставка в августе 1725 года подал челобитную на мордву деревни Сырикушек Шибайку Курмашева и деревни Барашево Насейка Мялкина «с товарищи» в том, что те, «собрався многолюдством», «скопи и сайдаки» приехали «к ним под деревню» и землю, которая была пахана под пар, «похали вторично».[38] Ардашевская мордва прогнала с этой земли мордву соседних деревень, а одного мордвина деревни Барашево, «взяв на той своей земле», привела в г. Темников «для допросу дворцовых, ясашных дел в приказную избу».[39]

Подавались жалобы и на возвращение значительных по размерам земельных участков, давно уже используемых жителями соседних деревень. Так, тот же мордвин Сатяшка Маскаев «с товарищи» жаловался на мордву деревни Куштаево (Потьма тож). Куштаевская мордва у этой деревни «насилством» завладела крепостной землей «многое число тому лет 40 и больше». В ответной челобитной мордва деревни Куштаево Девей Петаев, Кедей Лемесев указывали, что «оня их с поля мордовского их мордву збили...». 17 июля 1725 года спорная земля была отмерена подъячим Антоном Яковлевым, выборным мордовским становым старостой Резеп Начкиным и «розсыльщиком» Иваном Мочинским. По-видимому, этот крупный земельный спор затрагивал в какой-то мере интересы соседей. На досмотре были «старинные люди» соседних 6 мордовских деревень в количестве 38 человек.[40] По «досмотру и мере» этих

«сторонних людей» захваченной земли было 58 дес., 22 дес. из которых были посеяны «оржаным хлебом», а остальные 36 дес. «еровым». Яровые хлеба по площади распределялись так: гречихи—13 колов, проса—7 колов, ячменя—4 кола с полу колом, овса—кол. Всего ярового хлеба было посеяно 25,5 кола. Гречиха после ржи в посеве хлебов занимала второе место. Из зерновых культур преобладали серые хлеба.

Вотчинные леса для мордвы имели важное значение, так как служили базой для расширения пашни, лугов, пастбищ, поэтому она ревниво оберегала свое право на них.

В 1724 году сотник деревни Пошад Чедай Петимасов в челобитье на дворянина деревни Акчеево Ф. И. Кабанова указывал, что тот отнял силой у них двух пойманных крестьян Арзамасского уезда села Шутилова в вотчинном их лесу и взял к себе «деревню Акчееву». Мордва просит принять меры по отношению к нему и «дабы на впредь от онного в розоренье не быть».[41]

В некоторых случаях от подачи челобитных мордва переходила к активным формам сопротивления против помещиков. И. И. Дубасов отметил факт столкновения мордвы деревни Ардашево с помещиком Степаном Чепановым: «то людей его били, то скотину угоняли, то хлеб в поле толочили и жгли».[42]

Характерным явлением после 1704 года было то, что из рук мордвы ускользают оброчные угодья: рыбные ловли, бортные угодья, сенокосы и т. д., которые переходили в руки помещиков, попов, посадских людей, богатых крестьян.

Из тяжбы за владение бортным ухожаем между кадомским попом Григорием Миняевым и этого же уезда новокрещенными из мордвы села Покровского (Селищи тож) Родиона Неверова с товарищами видно, что этот бортный ухожай, где были и рыбные ловли, до 1704 года принадлежал мордвину деревни Старые Кишалы Лотку Милушеву. Селищинские новокрещенные, владевшие этим ухожаем с 1704 по 1713 год «безоброчно», должны были по решению суда удовлетворить иск попа, заплатить ему по 1 руб. 6 алт. 4 деньги на год. Попытка Лотка Милушева вернуть из рук попа часть угодий — рыбных ловель, которыми тот завладел «сильно», также кончилась неудачно. По решению от 7 декабря 1716 года ландрихтера С. К. Крюкова и комиссара Антонова владеть попу этими угодьями «до челобитья других перекупщиков» и платить за этот ухожай и рыбные ловли «по 26 алтын по 4 деньги на год».[43]

В условиях роста денежных платежей в казну за оброчные угодия они могли, по-видимому, остаться только за богатыми мордвинами. А в том, что мордовское население в имущественном отношении было неоднородно, нет никакого сомнения. Об этом говорит не только распределение пахотной земли по уезду между дворами (см. стр. 82), но и занятие пасечным пчеловодством. В Темниковском уезде с начала XVIII в. широкое распространение получило пасечное пчеловодство. В 1724 году у 309 мордовских семей насчитывалось 3283 пчелиных улья. В среднем на одну семью приходилось 10,4 улья. Во владении ульями среди мордвы не было равенства. Богатые владели большим количеством ульев. Так, мордвин деревни Уркат Кяшкя Тяркин имел 54 улья, Рязоватка Роткян из деревни Новая Шалы—60, Костке Баяшев из деревни Корина—80[44]. Эти примеры можно и продолжить, но достаточно сказать, что 42 мордовские семьи, составляющие 13,5 проц. хозяйств, владели 1230 ульями. Это составит 37,5 проц. их общего количества. На эти дворы в среднем падает 29,2 улья, что почти в 3 раза больше среднего показателя по уезду. В то же время многие мордовские семьи владели сравнительно небольшим количеством ульев. 5 мордовских семей из 14 дворов в деревне Плуково имели по одному улью. Из 16 хозяйств 9 в деревне Пошад имели меньше 5 ульев, меньше 5 ульев имело большинство мордовских семей деревень Нижняя и Верхняя Атюрево.[45]

Как и в других уездах России того времени, вся полнота власти в Темниковском уезде принадлежала воеводе. В его подчинении находились административные, военные и судебные органы. Пользуясь своим положением, воевода злоупотреблял своей властью. В 1691 году выборный мордовский староста деревни Пичиморга Кемидийка Шилдянин жаловался на воеводу Андрея Никитича Вельяминова за то, что тот держал его под караулом «безвинно для своей корысти, вымучил и взял у него заемную кабалу в 15 пудах меду на имя Ивана Андреева сына Зиновьева», а он этого человека и не знает.[46]

Злоупотребляли властью и более мелкие чины администрации. Мордва деревни Авкиманово Мердемиска Мелишев «с товарищи» жаловалась на подъячего приказной избы Павла Яковлева, который приезжал к ним в декабре 1693 года «за всякими великих государей податьми» и «их бранил всякими неподобными бранями и спрашивает у них почисток меду и рыбу, меду кислого и пресного и денег». Требование мордвы было скромное—не посылать к ним для сбора нало-

гов этого подьячего, чтобы «в конец разоренных не быть и великих государей податей не отбыть и врознь не разбрестись».[47] Злоупотребления воевод и подьячих тяжело отражались на экономике крестьянского хозяйства при общем росте государственных податей, приходившихся на один мордовский двор. Если в 80-х годах XVII в. денежная часть налога почти не преобладала над его натуральной частью, то с начала XVIII в. сборы деньгами резко возрастают. Например, запустевший во время восстания Степана Разина двор Полатки Бурьмикина в деревне Тустатово платит «своего жеребья ямских денег по 32 алтына по 4 денги на год; да полонных по 8 денег, да стрелецкого хлеба по три четверти, посопного хлеба пять чети с полуосминою ржи и овса»,[48] а как видно ниже, денежные сборы с одного двора возросли в несколько раз.

С начала XVIII в. основной единицей податного обложения темниковской мордвы стал жилой двор. Очевидно, этим и объясняется значительное сокращение числа дворов и увеличение численности населения в них. Хотя подворное обложение в основе фиксировало поземельные отношения, как это было и при сборе ясака, однако оно значительно усилило закрепление земли за отдельными дворами и способствовало развитию имущественного неравенства в мордовской деревне, поскольку закрепляло неравное обеспечение дворов землей и рабочей силой. С переходом к подворной системе обложения еще задолго до первой ревизии, осуществленной правительством под флагом «лутчей всенародной выгоды», мордва этого уезда была больше втянута в сферу феодальной эксплуатации, чем мордва других уездов, где до 1724 года сохранилась ясачная система обложения. Это давало известные преимущества, скажем, алатырской мордве по сравнению с темниковской. Фискальный гнет там был менее значителен. Эта разница в формах и размерах обложения была ликвидирована с переходом к подушной системе обложения. До этого ясачная мордва и ясачное русское население Алатырского уезда широко принимало беглых, что давало ему возможность переложить на них часть податей, приходящихся на один ясак. Подобной заинтересованности в приеме беглых у темниковской мордвы при подворном обложении не было. Нам представляется, что это одна из главных причин того, что документы изучаемого периода не отмечают наличия беглого населения в деревнях темниковской мордвы.

Объем платежей, приходившихся на один ясак, не был

одинаков. «Норма обложения ясака могла оставаться неизменной,—отмечает В. Д. Димитриев,—а объем платежей, падающих на один ясак, менялся»[49]. С начала XVIII в. окладные ясачные денежные сборы резко возросли, появилось множество новых сборов. В 1709 году в Темниковском уезде была проведена перепись ясачного населения, установившая норму денежных платежей с двора по 3 руб. 16 алт. 4 деньги.[50] Поскольку в 1718 году были взяты «сказки» мордовских старшин о платеже ясака за несколько лет, мы можем проследить увеличение государственных налогов с одного мордовского двора. В 1715 году они составляли 3 руб. 19 алт. 16 денег, а в 1716 году—3 руб. 41 алт. 7 денег, в 1717 году—3 руб. 28 алт. 15 денег с пол полу деньгою.[51]

Наряду с окладными деньгами (3 руб. 16 алт. 4 деньги) в сумме денежных платежей за эти три года постоянными были 3 алт. 2 деньги на жалованье ландратам «прятях и будущях»[52]. Сумма остальных денежных сборов на каждый год менялась. По сказкам мордвина деревни Шалы (Киженяпино тож) десятника Зямка Болаева видно, что мордвой, кроме оклада и пособия ландрату, в 1715 году выплачивалось по 10 денег с двора на покупку 6 подъемных лошадей, в 1716 году—на подряд С.-Петербургского провианта по 22 алтына с деньгою.[53]

Резкое увеличение денежного налога с двора произошло после введения подушного обложения. К ясачному сбору на сумму в 3 руб. 50 коп. с двора было добавлено по 70 коп. с души мужского пола (исключая малолетних). В результате в 1725 году на живущий двор приходилось податей по 8 руб. 95 коп. Если же учесть, что подати взимались и за умерших с 1709 по 1725 год, то на ясачный двор по уезду приходилось до 17 руб. 40 коп.[54].

Сумма, причитавшаяся за умерших людей и пустых дворов, раскладывалась между оставшимися дворами и населением «по разверстке деревенских людей». Раскладка производилась в каждой деревне отдельно, поэтому на каждого жителя и двор разных деревень приходилось разное количество податей. Вот несколько характерных примеров: двор Емантая Видясева в деревне Ардашевская Выставка, что «на Кичемасове», платил податей 35 руб. 70 коп. в год, в том числе за умерших и выморочные дворы 26 руб. 60 коп. В деревне Атюрево 16 дворов платили соответственно 294 руб. 70 коп. и 133 руб. 70 коп.[55]

Поскольку был установлен подушной принцип взимания

подати, то нередко двор, обрабатывавший меньше земли, платил податей больше, чем двор, который имел земли больше. Так, двор Любка Бутырова и двор Пемсеева имели по 18 дес. земли в деревне Атюрево, но в первом было 16 душ мужского пола, а во втором 7. Поэтому первый платил податей 27 руб. 65 коп., а второй лишь 15 руб. 75 коп.[56]

Сумма подати, которую платил русский ясачный двор, была ниже, чем у мордвы. Если мордовский двор платил 17 руб. 81 коп., то русский 16 руб. 14 коп. На одну душу мужского пола приходилось соответственно 2 руб. и 1 руб. 34 коп. Это объясняется тем, что на русский двор приходилось меньше умерших людей и выморочных дворов[57].

Рост размеров податей сопровождался ростом недоимок. Например, в 1715 году сумма недоимок только по окладу составляла 338 руб. 16 алт. 4 деньги, а в 1716 году—уже равнялась 654 руб. 16 алт. 4 деньги из суммы окладных недоимок по уезду 904 руб. 5 алт. 2 деньги.[58]

Тяжелым бременем ложились на мордву сборы провианта на содержание армии и администрации. По указу 28 декабря 1714 года на 1715 год собиралось со всех крестьян, в том числе и с мордвы «з дворового числа», «муки по 6 четвериков, овса по четверику, круп тож»[59]. Собираемый провиант крестьяне должны были на своих подводах отвезти в Харьков, в Добрый, Павловск и другие далекие от Мордовии города. В 1715 году в Темниковском уезде, кроме положенного на этот год, собирался доимочный провиант за 1711, 1712, 1714 годы. По «записке» явившегося 8 апреля 1715 года в приказную избу старосты деревни Пичеполонга мордвина Мокшайки Сидорова 5 мордовских деревень с 67 дворами Пичеполонского стана должны были в этот год ставить провиант в Павловск[60]. В 1718 году с одного двора собиралось по четверику овса и по 3 пуда сена для Астраханского драгунского полка. Одного сена нужно было поставить 1665 пудов[61].

На содержание администрации собирался как хлеб, так и деньги. В 1715 году с ясачной мордвы «на жалованья ландратам и комиссарам и подъячим и россыльщикам и с лошадми» собиралось «ржи по полу четвертика, овса потомуж з двора».[62] Кроме хлебного оклада, в 1716 году собирался с каждого двора по 3 алтына 2 деньги.[63] Дворцовый управитель Иван Афанасьев, сменивший в 1724 году Ивана Антонова, справил с ясачной мордвы и крестьян недоимки, числившиеся на них с 1718 по 1723 год.[64]

Чтобы расплатиться с государственными налогами, мордве нередко приходилось прибегать к займу денег, покупке ржи, найму подвод и т. д. О тяжести подати хлебного оклада говорят бесчисленные факты подачи челобитных. Так, мордва в 1672 году жаловалась, что на них подать и хлеб «правят без пощады» и они, «не стерпя правежу, что у кого после воровских людей в остатке всякого прожитка небольшое было и то все продали дешево ценою, а купили хлеб дорогою ценою и привезли хлеб к Москве на наемных подводах».[65]

Из челобитья темниковского подъячего Михаила Федорова на мордву деревни Кангушь «Пяксая Тремасова с товарищи» видно, что он давал им взаймы денег 10 руб. и ржи 10 четвертей.[66]

Кроме сбора денег и провианта, невыносимо тяжелой была для мордвы трудовая повинность, широко практиковавшаяся в царствование Петра I. В 1723 году из Темниковского уезда были посланы в Усманские леса 55 человек «с лошадми и с полными запасы на перемены их прежде посланным работным людям»[67]. В 1724 году на смену им было послано 26 подвод с 28 мордвинами.[68] На этот же 1724 год для строительства судового моста с Шацкой провинции требовалось выслать конных 102 и пеших 153 работника, в том числе от темниковской мордвы конных 2, пеших 3 человека[69].

Трудовая повинность, сборы провианта, фуража и денег—все это привело к чрезмерному перенапряжению производительных сил крестьянского хозяйства и разорению значительного количества дворов. Высокие государственные налоги изымали значительную часть производимого крестьянином продукта. Это было важным проявлением наступления крепостнического государства, послужившего значительному ухудшению положения крестьян.

Наконец, необходимо отметить еще одну форму наступления крепостнического государства на мордовскую деревню. Мы имеем в виду продолжавшуюся христианизацию мордвы, которая вносила еще одно противоречие в мордовскую деревню конца XVII—начала XVIII в. Крестившейся мордве предоставлялся ряд льгот. Так, в 1681 году были крещены Стенька, Анашка и Спирька Сафроновы из деревни Пичеморги и освобождены на три года от уплаты податей, других денежных и хлебных сборов, в том числе и от уплаты стрелецкого хлеба[70]. Платить за них и выполнять причитавшиеся им повинности должны были их некрестившиеся односельчане.

Поскольку новокрещенные автоматически выбывали из своей некрещенной деревни, то последняя отбирала у крестившихся землю. Естественно, что уездные власти пресекали эти попытки и земля за новокрещенными сохранялась.

Новокрещенный из деревни Чотово Якушка Андреев жаловался на мордву своей деревни, что после крещения «тою пашнею и сенные покосы владеть ему не дают». Последовал указ «Якушке тою землею... владеть по-прежнему», но «жену его Якушкову и детей велено крестить в селе Вервелях Никольскому попу Якову Борисову».[71]

На некрещенную мордву деревни Чотово жаловались также новокрещенные села Рождественного. Антипка Тябятаев, Тишка Черенов «с товарищи»: «их новокрещенскую часовню разорили и пожгли и землею завладели». Как и во всех других случаях, уездному начальству было велено «тесноты и разоренья им новокрещенам чинить не велеть и во всем оберегать и пустовые их мордовские земли той деревни Чотово отдавать им новокрещенам...».[72] Приведенные примеры показывают, что христианизация мордвы вызывала борьбу внутри мордовской деревни, главным образом из-за земли. Эти столкновения, а также невыполнение зачастую обещанных правительством льгот сдерживали процесс христианизации мордвы.

В целом успехи церкви по крещению мордвы были незначительными. Новокрещенцы в 1716 году составляли менее 10 проц. населения уезда[73].

Анализ использованных нами архивных материалов и сведений конца XVII—начала XVIII в. позволяет сделать определенные выводы о процессах и явлениях, происходивших среди мордовского населения Темниковского уезда.

К последней трети XVII в. территория уезда стабилизировалась и сохранялась неизменной на протяжении всего изучаемого периода.

Население Темниковского уезда было неоднородным по национальному составу. Здесь проживали русские, мордва, татары. Русские составляли большинство.

Мордовские деревни этого уезда по своему составу были чисто мордовскими, тогда как в других уездах (Арзамасском, Нижегородском, Алатырском) встречались деревни со смешанным населением.

Основным занятием Темниковской мордвы в конце XVII—начале XVIII в. являлось сельское хозяйство. Веду-

щей отраслью было земледелие. Охота, пчеловодство и рыболовство имели подсобное значение.

В изучаемый период среди мордовского крестьянства наблюдается имущественное неравенство. Об этом свидетельствует распределение между дворами пахотной земли и домашних ульев.

Мордовское население Темниковского уезда подвергалось притеснениям со стороны русских и татарских помещиков, выражавшихся в захвате их земель. Однако процесс захвата помещиками мордовских земель происходил менее интенсивно по сравнению с Арзамасским и Алатырским уездами[74]. Это объясняется тем, что в Темниковском уезде земли были менее удобные для хлебопашества.

В первой четверти XVIII в. подати, а также повинности, которые выполнялись мордвой Темниковского уезда, резко возросли. Это явилось одним из конкретных проявлений втягивания мордовского населения в сферу усиливающихся крепостнических отношений со стороны феодального государства.

В Темниковском уезде с начала XVIII в. в отношении дворцовой мордвы была установлена не ясачная, а подворная система обложения, что привело к значительному увеличению размеров взимавшихся с темниковской мордвы налогов, а затем и ко все большей сумме недоимок. Как известно, крестьянские дворы не были одинаково обеспечены мужскими рабочими руками, и максимум податей при значительном количестве разорившихся дворов можно было лишь собрать при подушном обложении. Следовательно, рост недоимок способствовал тому, что подворная система эволюционировала в сторону подушного обложения.

Наконец, в Темниковском уезде в конце XVII — начале XVIII в. в отличие от Арзамасского и Нижегородского уездов мордва сохраняла в основном языческую религию. Количество крещеной мордвы было незначительным.

---

[1] **А. А. Гераклитов.** Арзамасская мордва. Саратов, 1930; Алатырская мордва. Саранск, 1936; **В. П. Ямушкин.** К истории города Темникова и его уезда.—«Записки МНИИЯЛИЭ», 1952, № 15.

[2] АЛОИИ АН СССР, ф. 38, оп. 1, д. 8, стр. 171—184; д. 37, стр. 198—202; РФ МНИИЯЛИЭ, д. 800, л. 17.

[3] ЦГАДА, ф. 1209. оп. 1, книги № 6455, 6456, 6457.

[4] АЛОИИ АН СССР, ф. 38, оп. 1, д. 8, стр. 171.

[5] ЦГАДА, ф. 1209, оп. 1, кн. 472, лл. 466—483.

[6] АЛОИИ АН СССР, ф. 38, оп. 1, д. 8, стр. 185.

[7] ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, дд. 4457, 4458.
[8] Там же, ф. 1031, оп. 1, д. 29, лл. 1—100.
[9] Там же, дд. 6, 8, 9, 10, 11, 30; ф. 901, оп. 1, дд. 30, 193; оп. 2, дд. 113, 117.
[10] В указанное время лишь отдельные села переходили из одного уезда в другой. ЦГАДА, ф. 901, оп. 1, д. 30, лл. 22, 30—об.
[11] АЛОИИ АН СССР, ф. 38, оп. 1, д. 8, стр. 38—44.
[12] Там же, д. 37, стр. 199—202; д. 8, стр. 43.
[13] ЦГАДА, ф. 1209, оп. 1, кн. 6456, лл. 43—47.
[14] АЛОИИ АН СССР, ф. 38, оп. 1, д. 37, стр. 202; ЦГАДА, ф. 350, оп. 2, д. 3561, л. 683 об.
[15] Таблица составлена по материалам ЦГАДА, ф. 1209, оп. 1, кн. 6455, лл. 2—61 об.
[16] Там же, лл. 22—28, 60 об.
[17] Там, же, лл. 6, 22, 24 об.
[18] Там же, кн. 6457, лл. 2—363.
[19] Там же, кн. 6456, л. 52—52 об.
[20] Там же, лл. 9, 14 об. 60.
[21] Там же, лл. 36—37.
[22] Там же, кн. 472, лл. 466—484 об.
[23] **И. В. Левочкин.** Сельское хозяйство Ярославского Поволжья во второй половине XV—XVI вв. М., 1970, стр. 34.
[24] ЦГАДА, ф. 1209, оп. 1, кн. 472, лл. 468 об. 471 об; 481 об.
[25] **И. В. Левочкин.** Указ. раб., стр. 38.
[26] ЦГАДА, ф. 1209, оп. 1, кн. 472, лл. 469—469 об, 475, 479—481.
[27] Там же, лл. 478 об.-480 об.
[28] Там же, лл. 480-об.-481.
[29] Там же, ф. 1031, оп. 1, д. 29, лл. 99—99 об. В итогах книги показано 2322 чети в поле «а в дву потомуж», но из них 34 чети в поле (в трех полях 102 чети) было за русскими ясачными крестьянами села Дубровка (Перевесья тож).
[30] Там же, л. 15 об.
[31] Там же, лл. 22 об.-24, лл. 47—55, 95—96 об.
[32] Данные выведены автором по материалам ЦГАДА, ф. 1031, оп. 1, д. 29, лл. 11—99.
[33] Там же, лл. 22 об.-24, лл. 47—55, 95—96 об.
[34] Там же, лл. 26 об.-27 об; 77—77 об.
[35] Таж же, лл. 38—63 об.
[36] ИТУАК, Тамбов, 1894, вып. 39, стр. 102.
[37] ЦГАДА, ф. 901, оп. 1, д. 193, лл. 1, 3 об.
[38] Там же, ф. 1031, оп. 1, д. 30, л. 1.
[39] Там же, л. 1 об.
[40] Там же, лл. 5, 7, 12—13.
[41] Там же, д. 2, лл. 7—7 об.
[42] ИТУАК, Тамбов 1894, вып. 39, стр. 30.
[43] ЦГАДА, ф. 901, оп. 1, д. 1, лл. 1, 6—7; 26—27.
[44] Там же, ф. 1031, оп. 1, д. 6, лл. 5—6, 8 об.
[45] Там же, лл. 1—8 об.
[46] ИТУАК, Тамбов. 1890, вып. 28, стр. 71.
[47] Там же, Тамбов, 1892, вып. 34, стр. 158.
[48] АЛОИИ АН СССР, ф. 38, оп. 1, д. 8, стр. 245.
[49] **В. Д. Димитриев.** История Чувашии XVIII века. Чебоксары, 1959, стр. 72.
[50] ЦГАДА, ф. 901, оп. 1, д. 30, л. 21.

[51] Там же, д. 159, лл. 70 об.-71. Денежный счет Русского государства включал в XVII—начале XVIII в. четыре основные счетные единицы — рубль, копейка, алтын и деньга. Рубль равнялся 100 коп., или 33 алтынам 2 деньгам, или 200 деньгам. Алтын равнялся 6 деньгам, или 3 копейкам, копейка—2 деньгам.

[52] Там же, л. 12.

[53] Там же, л. 1.

[54] Там же, ф. 1031, оп. 1, д. 29, лл. 99—99 об.

[55] Там же, лл. 37—37 об, 50 об.-51.

[56] Там же, л. 47 об.

[57] Там же, лл. 64—69 об, 99—99 об.

[58] Там же, д. 77, лл. 1—3-об; д. 76, лл. 1 об-4.

[59] Там же, ф. 901, оп. 1, д. 4, л. 9.

[60] Там же, л. 80.

[61] Там же, д. 109, лл. 1—8.

[62] Там же, д. 39, лл. 13, 13 об., 14.

[63] Там же, д. 34, лл. 1—1 об.

[64] Там же, ф. 1031, оп. 1, д. 11, лл. 1—6.

[65] АЛОИИ АН СССР, ф. 38, оп. 1, д. 17, стр. 343.

[66] ЦГАДА, ф. 1031, д. 33, л. 2.

[67] Там же, д. 9, л. 7.

[68] Там же, лл. 1—5 об.

[69] Там же, д. 10, лл. 1—18. По этой раскладке конный работник высылался со 180, пеший со 120 дворов.

[70] АЛОИИ АН СССР, ф. 38, оп. 1, д. 8, стр. 30—31.

[71] Там же, стр. 80.

[72] Там же, стр. 81.

[73] ЦГАДА, ф. 1209, кн. 6456. Там же, ф. 350, оп. 3, д. 4458, лл. 110—111, об. 192—194, 230—230 об, 241—241 об, 244—244 об, 245—245 об, 248 об, 249, 253, 253—254.

[74] О менее интенсивном захвате мордовских земель помещиками в Темниковском уезде свидетельствует и количество у них крепостных крестьян. На территории Арзамасского уезда в конце XVII в. помещичьих крестьян мужского пола было 48068, в Алатырском—в 1723 году 47361, в это же время в рассматриваемом уезде только 9624 души. См. **Д. О. Медведев.** Землевладение и сельское хозяйство в Арзамасском уезде в XVII в. Автореферат диссертации. М., 1949, стр. 6. **В. Д. Димитриев.** Указ. раб., стр. 492—493; ЦГАДА, ф. 350, оп. 2, 3561, л. 683 об.

Н. В. Заварюхин

К ВОПРОСУ О ПОЛОЖЕНИИ КРЕПОСТНОГО КРЕСТЬЯНСТВА ТЕМНИКОВСКОГО УЕЗДА В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XVII—ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

(По переписным книгам)

История Темниковского уезда в указанное время почти не разработана. В настоящей статье мы попытаемся осветить поставленный нами вопрос на основании ранее неиспользованных источников, хранящихся в Центральном Государственном архиве древних актов (ЦГАДА) — переписной книги 1678 года и книги второй ревизии, в которых имеются сведения по первой переписи.[1]

В этих переписных книгах крепостное население было переписано в четырех станах: Подгородном, Пичеполонском, Оксельском, Верхомокшанском.

По переписи 1678 года, за помещиками числилось людей: деловых и дворовых 187, задворных 149, крестьян 3503, бобылей 2629.[2] Таким образом, помещики владели в Темниковском уезде 6468 крестьянами разных категорий. Да за вотчинниками в Пичеполонском, Оксельском и Верхомокшанском станах было «крестьянских 56 дворов, людей в них 240 человек, да бобыльских 59 дворов, людей в них 234 человека. И обоих крестьянских и бобыльских 115 дворов, людей в них 474 человека, да 5 дворов вотчинниковых, людей в них 22 человека, да людей задворных 2 двора, людей в них 33 человека».[3]

С учетом этих крестьян русское крепостное население Темниковского уезда составляло 7050 душ мужского пола. По сравнению с соседним Арзамасским уездом, где жило

48068 душ мужского пола русских крестьян, бобылей и холопов и 3802—мордвы и бортников, Темниковский уезд имел русского населения сравнительно немного.[4]

Внутри Темниковского уезда русское крепостное крестьянство распределялось неравномерно (см. таблицу 1).[5]

Таблица 1

Название стана	За помещиками-крестьян.	За вотчинниками-крестьян.	Всего за помещиками и вотчинниками-крестьян.
1. Подгородный	1213	—	1213
2. Пичеполонский	1286	150	1436
3. Оксельский	2298	184	2412
4. Верхомокшанский	1671	248	1919
Итого	6468	582	7050

Таблица показывает, что наиболее населенной была северо-восточная часть уезда, которую занимал Оксельский стан (современный Ельниковский и юго-восточная часть Темниковского района Мордовской АССР).

В Темниковском уезде в это время русского населения было примерно в 3 раза больше мордовского. Заметим попутно, что в Арзамасском уезде русское население в 12,6 раза превышало численность мордвы и бортников.[6]

За помещиками и вотчинниками в 4 станах числилось 1556 крестьянских и бобыльских дворов. На один двор в среднем по уезду приходилось около 9 человек обеих полов.

По переписной книге 1678 года, крепостные делились на следующие категории: крестьяне составляли 55,7 проц. всех крепостных, бобыли—38,8 проц., дворовые, задворные и деловые люди—5,5 проц. Бобыльские дворы, а их общее количество в уезде превышало число крестьянских дворов, значительно уступали последним по своему составу. На крестьянский двор в среднем приходилось 5,7 человека мужского пола, а на бобыльский—только 3,8 человека. Данные показывают значительно худшую обеспеченность рабочей силой последних. В результате этого они не могли обеспечить выполнения всего объема повинностей и платежей, приходившихся на крестьянский двор и «были положены в половинный крестьянский оклад из-за маломощности хозяйства».[7]

Крепостное крестьянство по этой переписи проживало в 89 населенных пунктах из 123 поселений по уезду.

По станам селения, которые находились за помещиками и вотчинниками, располагались так: Оксельской—35, Подгородный—24, Пичеполонский — 15, Верхомокшанский — 15. Приведенные данные еще раз свидетельствуют о большей заселенности северо-восточной части Темниковского уезда, располагавшейся к северу от первой сторожевой черты. На один русский населенный пункт приходилось по уезду 17,4 двора и 79,2 человека душ мужского пола. Большая часть деревень имела от 2 до 10 дворов, что свидетельствует о том, что они возникли незадолго до составления переписной книги 1678 года. Вместе с тем были и крупные селения. Особенно крупными были села—центры помещичьих владений и церковного прихода, а в ряде случаев и торговые центры. Так, в селе Урей Оксельского стана был 101 двор и около 400 человек мужского пола. В селе Азарапино за 25 помещиками числилось 87 дворов с населением в 366 человек мужского пола.[8]

Феодально-крепостнические отношения к последней четверти XVII века охватывали весь Темниковский уезд, крепостные крестьяне здесь составляли около половины населения. Они принадлежали 647 помещикам и вотчинникам. Более 600 из них, судя по их именам и фамилиям, принадлежали к числу некрещенных татарских князей и мурз. Количество земли, дворов и крестьян у темниковских помещиков было различное. Средние размеры поместных земель почти у всех татарских владельцев были «от десяти четей до одной и получети» в одном поле. Несмотря на небольшие размеры поместных дач, в Подгородном стане в 1686 году 188 помещикам принадлежало земли 1179 чети с третником и полчетвериком в поле, сена 6971 копно.[9] Это примерно в два раза больше количества пашни, находившейся в пользовании мордовского населения стана.[10] На одного помещика в этом уезде в среднем приходилось менее двух дворов и 11 крепостных. Значительные отклонения от средних показателей владения дворами и крепостными характерны для крещеных помещиков. Они за принятие православной веры щедро награждались крепостными.

Так, в 1678 году 36 крещеных помещиков, составляющих менее 6 проц. всех помещиков уезда, имели в 7 селах и 21 деревне: 19 усадеб, в них дворовых и деловых людей—116, задворных дворов 42, в них людей—151, крестьянских—193, в них крестьян—1125, бобыльских—190, в них бобылей—545, приказчиков—1, в нем людей—3, пустых—33 (из них 17 дворов беглых, 12 взятых в солдаты и 4 нищих).

Таким образом, эти 36 помещиков владели 395 дворами, что составляло четверть всех дворов русских крестьян уезда и 1940 крестьянами мужского пола, что составляло 26,6 проц. всех крепостных, а в среднем на каждого из них приходилось более 11 живущих дворов и 53 крестьянина мужского пола.[11]

Стряпчий И. М. Кошаев владел 5 населенными пунктами в трех разных станах. Ему принадлежало 112 разных дворов, в которых было крестьян, бобылей, дворовых и деловых людей 601 человек мужского пола.[12] В. Я. Хитрово владел 72 крестьянскими и бобыльскими дворами с населением в 228 человек.[13] Окольничий И. С. Хитрово владел в Верхомокшанском стане 57 дворами с 308 крестьянами.[14] Следует заметить, что в этом стане большинство помещиков были русские: Козловы, Хитровы, Суровцевы, Савиновы и т. д. Их поместья были значительно крупнее владений помещиков-татар.

Мелкие помещики имели минимум крепостных крестьян, а за некоторыми из них числились только беглые крепостные. Так, за мещерянином З. Ф. Богдановым в деревне Булаево был 1 бобыльский двор с 7 бобылями, одним двором в деревне Шавец (Шегалово тож) владел П. С. Рогожин. Мурза Аракай Урашметьев владел в селе Старое Городище двором Дороша Федорова, да и тот находился в бегах[15]. Число подобных примеров можно продолжать до бесконечности. Достаточно сказать, что на долю каждого из некрещеных татарских князей и мурз приходилось в среднем в 7 раз меньше крестьянских дворов и 5 раз меньше крепостных.

Аналогичное положение было и с владениями вотчинников, в числе которых было 6 русских и 22 некрещеных татарина. Все вотчинники-татары имели свои вотчины в Оксельском стане в селе Окселы и деревнях: Карлина (Чукалы тож), Новоселки и Корино. Им принадлежало 582 души мужского пола. В среднем на вотчинника в 1678 году приходилось более 20 крепостных.[16]

Вотчины руских были значительно крупнее. У стольника Ф. Л. Лопухина в его вотчине в сельце Введенском было 17 дворов и 67 крепостных да 6 пустых дворов беглых крестьян. У И. С. Вышеславцева в селе Вервелях было 5 дворов с 39 крепостными. В селе Дракине (Ворона тож) в вотчине стряпчего Великопольского было 15 дворов и 101 крепостной. У думного дьяка Аверкия Кириллова в селе Панжа было 9 дворов и 47 крепостных. За А. И. Козловым в сельце Богородском было 17 дворов и 95 «старинных крепостных, переведенных в то село из вотчин разных».[17]

Помещики, получив крепостных крестьян, жестоко эксплуатировали их. Последние, не выдержав гнета, оставляли помещиков и убегали. Переписная книга 1678 года отметила наличие в Темниковском уезде огромного числа пустых дворов—141.[18] При этом, по неполным данным переписной книги, 87 из них запустели в результате того, что жившие в них крестьяне и бобыли бежали в разные уезды и города. А это является прямым результатом роста крепостнической эксплуатации и ухудшения положения крестьян во второй половине XVII века.

На территории Темниковского уезда проживали русские, мордва и татары. Чтобы нагляднее показать национальный состав населения и его движение за рассматриваемый период, приведем таблицу (см. таблицу 2).[19]

Таблица 2

	1678 год		1721 год		1746 год	
	душ муж. пола	проц.	душ муж. пола	проц.	душ. муж пола	проц.
Русские в городе Темникове и уезде[20]	7542	71,8	11376	57,4	13115	68,3
Мордва	2350	22,4	3173	16,1	2125	11,1
Татары	600	5,8	5368	26,5	3989	20,6
Всего населения	10492	100,0	19817	100,0	19219	100,0

Из таблицы видно, что русские составляли больше половины населения уезда. С 1678 по 1746 год русское население почти удвоилось, но его процент в удельном весе населения уезда по итогам первой и второй ревизии немного снизился из-за увеличения численности других групп населения (преимущественно татар).

Общее количество мордовского населения за рассматриваемый период даже уменьшилось. Вследствие роста численности русского и татарского населения процент мордвы в удельном весе населения уезда снизился и составил в 1746 году только 11,1 проц.

В Темниковском уезде по итогам первой ревизии показано резкое увеличение татарского населения. Его быстрый рост был связан с тем, что татарское население соседних уездов Инсарского и Нижнеломовского—в ландратскую перепись 1717 года было передано в Темниковский уезд.[21] Одна-

ко в дальнейшем вследствие большой смертности его удельный вес в общей доле населения снижается.

В течение всей последней трети XVII и первой половины XVIII в. в рассматриваемом уезде происходило дальнейшее увеличение крепостного населения помещиков, которое исключительно состояло из русских. Если в 1678 году крепостное население помещиков и вотчинников составляло 7050 душ мужского пола, то по первой ревизии в 1721 году их было 9624 души мужского пола, в том числе помещичьих—8876, вотчинных—280, собственных «Ея императорского величества»—385, монастырских—24, чиновничьих—59. Дальнейшее увеличение крепостного населения показывают итоги второй ревизии—1746 года. По этой ведомости записано за помещиками 10492 души мужского пола, вотчинниками—315, царской семьей—610, монастырями—65, чиновниками—44. В 1746 году крепостное население составляло 59,9 проц. всего населения Темниковского уезда, а в 1721 году его было только 48,5 проц.

Одной из главных особенностей Темниковского уезда конца XVII—начала XVIII века было то, что в нем господствовало феодальное землевладение на поместном праве, а вотчинники как по численности, так и по удельному весу вотчин играли второстепенную роль. В 1678 году крепостные крестьяне вотчинников составляли лишь 7,4 проц.

В первой четверти XVIII века царское правительство принимает ряд мер по ограничению числа некрещенных помещиков. У некрещеных татарских помещиков отписывали крепостных и землю на императора. Так, в 1721 году «от мурз и татар за невосприятие христианского закона» отписана Оксельская волость, которая в дальнейшем была приписана к собственным вотчинам императрицы Елизаветы Петровны.[22]

За собой сохранили земли и крепостных только те татарские помещики, которые приняли православие. Об этом свидетельствуют данные переписных книг второй ревизии. Во второй четверти XVIII в. значительная часть помещиков составляли уже русские.

Следует также заметить, что с укреплением феодальной собственности на землю и крепостных крестьян усилилась их эксплуатация помещиками. Возрастающий гнет со стороны государства и помещиков в первой четверти XVIII в. способствовал значительному разорению хозяйства крепостных.

На всех категориях крестьян Темниковского уезда были недоимки. За 1714 год по окладу и по указам должно было

быть собрано 5385 руб. 32 алт. 5 денег. Эти деньги собирались три года и было собрано лишь 4106 руб. 32 алт. 4 деньги. Остальные остались в недоимке, в том числе за «неплатежею с правежу» 891 руб. 10 алт. полвторые деньги. На следующий год со всех крестьян уезда предполагалось собрать уже 7155 руб. 11 алт., а собрано на 1094 руб. 8 алт. меньше. Недобор денежной суммы за 1716 год составил 1205 руб. 21 алт., из них за «всеконечную пустотою» с уездных жителей недособрано 535 руб. 30 алт.[23]

Жители Темниковского уезда имели больше задолжности, чем крестьяне соседних уездов. За 1715—1716 годы Темников, Кадом и Елатьма задолжали «денежной казны» 9617 руб. 26 алт., муки и крупы 54 чети, сена 14060 пудов.[24] Из этой задолженности на Темников падало 4632 руб. 1 алт. 2 деньги, муки и крупы—42 чети, сена 14060 пудов.[25]

Положение крепостных крестьян во второй четверти XVIII в. продолжало ухудшаться. Как и раньше, они выполняли государственные повинности и работали на помещика. Одной из тяжелых повинностей была барщина. Крестьянам приходилось работать на помещика в неделю 3—4 дня, а то и больше. Кроме обработки барской запашки, барщинные крестьяне привлекались к постройке и ремонту помещичьих зданий, возке столовых и прочих запасов до места жительства помещика, к уходу за скотом и т. д. Нередко они должны были платить помещику и натуральный оброк в виде поставок на помещичий двор баранов, свиных туш, гусей, кур, яиц, грибов и т. д.

По данным переписей 1678, 1721, 1746 годов, Темниковский уезд был разделен на четыре стана. На его территории проживали русские, мордва, татары. Русские составляли больше половины всего населения уезда.

Материалы по Темниковскому уезду подтверждают общую тенденцию роста крепостнической эксплуатации в данном регионе Средней Волги, и вместе с тем они позволяют судить о некоторых специфических особенностях крепостничества.

Основное количество помещиков в XVII в. составляли татары. К концу первой четверти XVIII в. у многих из них были отобраны крепостные крестьяне и розданы русским помещикам.

Преобладающая часть русского населения была крепостной. Крепостное население с 1678 по 1746 год увеличилось на 4476 душ мужского пола, или на 61,1 проц.

Крестьянство этого уезда к концу первой четверти XVIII века было разделено на три категории: помещичьи, дворцовые, государственные. Крепостное население помещиков составляли русские крестьяне, дворцовой стала бывшая ясачная мордва, государственными — ранее служилые татары.

Экономическое и правовое положение крепостного крестьянства оставалось тяжелым, поэтому часть из них вынуждена была убегать, оставляя своих родных и близких. Бегство крестьян было своего рода борьбой против угнетателей.

---

1 ЦГАДА, ф. 1209, оп. 1, кн. 6457, там же, ф. 350, оп. 2, дд. 3560, 3561.

2 ЦГАДА, ф. 1209, оп. 1, кн. 6457, лл. 232 об.

3 Там же, лл. 364—365. По нашим подсчетам, за указанными вотчинниками было не 529 человек, а 582. См. там же, лл. 333—363.

4 **Д. О. Медведев.** Землевладение и сельское хозяйство в Арзамасском уезде в XVII в. Автореферат диссертации. М., 1949, стр. 6.

5 Таблица составлена по материалам ЦГАДА, ф. 1209, оп. 1, кн. 6457, лл. 2—363. В этой переписной книге в стане Залесском в деревне Тагаево за 24 помещиками числилось «крестьянских и бобыльских 53 двора и людей в них 238 человек». Эта деревня находилась на территории соседнего уезда. В последующие переписи она уже не упоминается, поэтому крестьянское население 238 человек для Темниковского уезда не учитываем. Там же, лл. 332—332-об.

6 См.: **Д. О. Медведев.** Указ. раб., стр. 6.

7 **Л. Г. Дубинская.** Социально-экономическое положение крестьян во второй половине XVII века (по материалам Мещерского края). Автореферат диссертации. М., 1967, стр. 13.

8 ЦГАДА, ф. 1209, оп. 1, кн. 6457, лл. 164—183; 293 об.—309 об.

9 **В. П. Ямушкин.** Очерки по истории мордвы в XVI—XVII вв. Рукописный фонд сектора истории МНИИЯЛИЭ, д. 800, стр. 231.

10 За этими помещиками числилось около 1748,5 десятины земли, по переписи 1725 года за 15 мордовскими деревнями этого стана только 801 десятина. См.: ЦГАДА, ф. 1031, оп. 1, д. 29, лл. 11—37 об.

11 ЦГАДА, ф. 1209, кн. 6457, лл. 10 об., 21—21 об., 27 об.,—46, 30—80 об., 99 об.—101 об., 102—103 об., 108 об., 113 об., 119—123, 183—185 об., 195 об.—197, 201, 215—225 об., 227, 228-об., 254—263 об., 268—275, 275—277 об., 291 об., 309 об.

12 В Подгородном стане И. И. Кошаеву принадлежали: село Кушки с 56 дворами и 73 крепостными (кроме того, в этом селе было 4 пустых двора беглых крестьян и 7 дворов взятых в солдаты). Деревня Третьякова с 13 дворами и 64 крепостными (кроме этого 5 дворов сданные в солдаты), сельцо Никольское с 10 дворами и 63 крепостными. В Пичеполонском стане — деревня Юнке с 12 дворами и 75 крепостными. В Верхомокшанском стане—в селе Очасеве 20 дворов и 126 крепостных. ЦГАДА, ф. 1209, кн. 6457 лл. 12—42 об., 44—44 об., 46, 119-об., 120, 122—122 об., 309-об.—314 об.

13 Там же, лл. 215 об.—224 об.

14 **И. С. Хитрово** владел селом Покровским (Перевесья тож) и деревней Оброчной, которые, как было отмечено в переписной книге 1678 года, «поселены вновь». В Покровском, куда крепостные были «перевезены вновь из разных вотчин», было 37 дворов и 180 крепостных. «Вновь

после переписных книг» была поселена им и деревня Оброчная с 22 дворами и 112 крепостными, да 2 бобыльские семьи числились в бегах. Там же, лл. 254—236 об.

15 ЦГАДА, ф. 1209, оп. 1, кн. 6457, лл. 5 об., 31 об., 228 об.

16 Там же, лл. 333—364.

17 Там же, лл. 333—335 об, 335, 359—363.

18 Там же, ф. 350, оп. 2, д. 3561, лл. 683—683 об.

19 Таблица составлена на основании данных ЦГАДА, ф. 1209, оп. 1, кн. 6455, кн. 6457; ф. 350, оп. 2, д. 3561.

20 В городе Темникове душ мужского пола проживало в 1678 году — 492, в 1723—1113, в 1746—1069. ЦГАДА, ф. 1209, оп. 1, кн. 6455; ф. 350 оп. 2, д. 3561.

21 Из Инсарского уезда было переведено 74 двора Нижнеломовского—65 дворов. Всего населения мужского пола 427 человек. ЦГАДА, ф. 350, оп. 1, д. 414, лл. 370, 391 об. 393.

22 О. р. ГБЛСССР, ф. 178 д. 8518, л. 2 об.

23 ЦГАДА, ф. 901, оп. 1, д. 30, лл. 9 об., 24, 39.

24 Там же, д. 76, л. 8 об.

25 Там же, лл. 6—8 об.

В других уездах задолженность была: по Кадому 1945 руб. 2 алт. 2 деньги, провианта—муки и крупы—6 чети, Касимову 2440 руб. 16 алт. с пол пол полу деньгою, муки и крупы—6 четвертей, Елатьмы 600 руб. 6 алт. пол пол 5 денег.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

М. В. Дорожкин. Некоторые вопросы историографии колхозного строительства в Мордовии. 3

К. М. Тимошкин. Введение земских учреждений в Мордовии и социальный состав гласных. 19

К. М. Тимошкин. Хозяйственная деятельность земства на территории Мордовии (1864—1890 г.г.) 53

Н. В. Заварюхин. Мордовское крестьянство Темниковского уезда в последней трети XVII—начале XVIII в. (По переписным и писцовым книгам). 74

Н. В. Заварюхин. К вопросу о положении крепостного крестьянства Темниковского уезда в последней трети XVII—первой половине XVIII в. (По переписным книгам). 94